

БЫТЬ УЧЕНИКОМ КЛАССИКА: МЕРА ОТВЕТСТВЕННОСТИ (НЕСКОЛЬКО НОВЫХ ПИСЕМ ДМИТРИЯ АЙНАЛОВА КОНСТАНТИНУ ШИРОЦКОМУ)

В жизни каждого ученого особое место занимает учитель, являющийся “отправной точкой” на пути в науку. От учителя и его школы часто многое зависит в дальнейшей судьбе ученика. Однако этот процесс научного общения не однолинеен, поскольку ученик должен в некоторой степени соответствовать учителю, особенно если учитель – классик в своей области знаний. Дмитрий Айналлов, конечно же, был именно классиком, поэтому его, пусть и не многочисленные ученики (Владимир Мясоедов, Николай Сычов, Николай Окунев, Леонид Мацулевич, Константин Широцкий), обязаны были соответствовать уровню учителя. Так ли было в реальности? Это можно “проверить” двусторонним методом: выявить отношение/оценку Айналлова конкретного ученика и рассмотреть творчество этого ученика. Попробуем сделать это на примере Константина Широцкого¹ – одного из самых близких к учителю воспитанников в науке, основная творческая жизнь которого прошла в Украине.

Сразу отметим: Айналлов очень любил всех своих учеников, имел к каждому личные отношения, принимал всех у себя дома в Петербурге и на даче в Козельце, организовывал коллективные экскурсии в Великий Новгород, Киев, Чернигов². К Широцкому учитель “привязался” еще и потому, что он занимался не только древнерусским, но также специально украинским искусством, а также часто навещал Дмитрия Власевича в его козельцких пенатах под Черниговом.

В сборнике в честь Д.В. Айналлова Д. Гордиенко уже опубликовал пять писем Дмитрия Айналлова Константину Широцкому из фондов ИР НБУВ³. Мы же публикуем и анализируем другие письма и заметки

---

¹ Во всех дореволюционных текстах и документах он (как и его отец священник Виталий) писался Широцкий, но поскольку сам Кость Витальевич после 1917 г. стал употреблять форму своей фамилии как “Широцкий”, мы также везде придерживаемся именно этой формы. В историографии параллельно сосуществуют Широцкий и Широцкий.

² См.: *Анфертьева А.Н.* Д.В. Айналлов: жизнь, творчество, архив // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995, с. 276.

³ *Гордієнко Д.* З листування Дмитра Айналлова з українськими діячами (листи до В. Антоновича, В. Ляскоронського, К. Широцкого, В. та Н. Лазурських та В. Маслова) // *Софія Київська: Візантія. Русь. Україна*. Вип. II: Збірка наукових праць, присвячена 150-літтю з дня народження Дмитра Власовича Айналлова (1862–1939 рр.). К., 2012, с. 84–88.

Айналова, отложившиеся в части личного фонда Широцкого в Национальном художественном музее Украины (Документально-архивный фонд, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2). Очень важно то, что здесь сохранились ранние обращения учителя к ученику, отражающие самое начало творческой биографии Широцкого, а также начало его научных контактов с Айналовым.

Константин Широцкий имел очень важную особенность – “духовную закваску”, позволяющую ему достаточно органично соединить знания искусствоведа и знатока Церкви, судить о церковном искусстве как бы изнутри, не только рассматривая и анализируя его, но и чувствуя. Кроме того, что Широцкий был сыном священника⁴ (родился 26 мая / 7 июня 1886 г.), он еще и учился в церковно-приходской школе отца (с. Ольшанка-Бершадская Ольгопольского уезда, Подольской губ.), затем в Тульчинском духовном училище и Подольской духовной семинарии (в Каменце-Подольском). Впрочем, позже Широцкий вспоминал о семинарии, как о “зря потерянных годах”⁵, хотя именно там он постиг азы богословия и церковного искусства, пригодившиеся ученому позже. У мальчика также был талант к рисованию, поэтому он одновременно прошел обучение в художественно-промышленной школе у живописца В. Розвадовского, прочувствовав “изнутри” и сам процесс художественного творчества, при этом главным образом на примерах украинского искусства Подолии и Галиции. Однако в Подольской семинарии Широцкому не удалось окончить курс, как считают, из-за его ярко выраженного украинофильства, и среднее образование он завершал в Новочеркасской духовной семинарии. Об украинофильской закваске Широцкого вспоминал Владимир Сичинский: Кость был членом семинарской украинской Громады, возглавляемой в будущем известным деятелем автокефального движения Владимиром Чехивским; он был “переконаний український самостійник і радикальний в питаннях соціальної натури, не терпів компромісів з російською владою і вірив лише в революційний шлях української боротьби”⁶. А сам Чехивский говорил, что Широцкий был всегда смелым, решительным и энергичным, его в “Громаде” все любили⁷. Здесь

⁴ См. послужной список отца ученого – священника Виталия Широцкого: ИР НБУВ, ф. 152, ед. хр. 13, л. 1–4 (1905 г.).

⁵ *Середа А.* Некролог: Кость Віталієвич Широцький (1886–1919) // Збірник секції мистецтв Українського наукового товариства. К., 1921, с. 127.

⁶ *Сичинський В.* Кость Широцький (Спомини з нагоди шестих роковин смерті) // Іваневич Л., Трембіцький А. Кость Широцький (у працях істориків і дослідників-мистецтвознавців України Євфимія Сіцінського та Володимира Січинського). Хмельницький, 2004, с. 27.

⁷ *Середа А.* Вказ. праця, с. 127.

следует напомнить, что сам Кость всегда указывал, что происходит из знаменитого украинского рода Шеичей-Широцких, поэтому если поначалу он писался по отцу Широцким, то в дальнейшем, в частности во всех украиноязычных изданиях – только Широцким⁸.

Этот сплав духовного образования, художественного таланта и украинофильства изначально давал возможность Широцкому стать уникальным специалистом в области украинского сакрального искусства. И вот с таким багажом в 1906 г. Константин поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (просьба о зачислении была отправлена из родной Белоусовки Ладыжинского уезда, Подольской губернии 27 июля 1906 г.⁹). Естественно, интересы Широцкого сразу привели его на курс истории искусства, к Дмитрию Айналову. Став учеником профессора, Кость вместе с другими студентами ученого участвовал в еженедельных собраниях у Айналова, где молодые исследователи делали доклады и всесторонне их обсуждали¹⁰. Студент сразу же решил показать свои дарования и продемонстрировать сферу интересов, став не только членом, но и соорганизатором студенческого украиноведческого кружка, где выступал с рефератами по истории украинского искусства¹¹. Он сам писал об этом в одной из статей¹². В его съемной квартире собиралась украинская молодежь для решения насущных вопросов в области украинства, хотя это не всегда удавалось, особенно когда к хозяевам приезжали “чужие для украинских интересов люди”¹³. Собирая в летние каникулы этнографические материалы и изучая памятники церковного искусства Подолии, Широцкий во все годы обучения у Айналова достаточно много публиковался в украинских периодических изданиях и местных органах печати (“Православная Подолия”)¹⁴.

⁸ *Білецький Л.* Проф. Кость Широцький: некролог // Україна: щоденна газета, 1919, № 29, 16 вересня, с. 2.

⁹ ИР НБУВ, ф. 152, ед. хр. 14, л. 1.

¹⁰ *Середа А.* Вказ. праця, с. 128.

¹¹ Отчет Кружка украиноведения при СПб. университете // Отчет о состоянии и деятельности СПб. университета за 1910 г. СПб., 1911, с. 302–304; Отчет Кружка украиноведения при СПб. университете // Отчет о состоянии и деятельности СПб. университета за 1914 г. СПб., 1914, с. 237.

¹² *К.Ш.* Наукові змагання нашої академічної молодіжи в Петербурзі // Рада, 1909, ч. 63.

¹³ ИР НБУВ, ф. 152, ед. хр. 68, л. 1.

¹⁴ *Широцкий К.* Подольские “колядки” и “щедривки” // Православная Подолия, 1908, № 1–4; *Широцкий К.* Черты античной и древнехристианской живописи на украинских писанках // Православная Подолия, 1909, № 15–18; *Широцкий К.* Новогодние праздники на некоторых памятниках древнерусской живописи // Православная Подолия, 1909, № 1;

Важно также и то, что Широцкий параллельно закончил Петербургский археологический институт (1911 г.), где получил хорошие знания о материальных источниках, способах их добывания и научного анализа, а также был избран действительным членом Императорского Археологического общества. Более того, еще студентом (1911 г.) он стал действительным членом Русского археологического общества (вследствие многочисленных публикаций по “подолике”).

Самой интересной, на наш взгляд, работой молодого исследователя этого раннего периода является статья о резных каменных и деревянных крестах, эволюция их форм и проявления народного понимания христианской эстетики. Автор не только максимально зафиксировал все сохранившиеся памятники и представил 88 их зарисовок, но и попытался искать корни изменения форм, влияния разных эпох и традиций. Для своего времени эта работа была определенным образцом¹⁵. Но уже в ней сильно превалировала национальная идея, идеология украинства как самодостаточного культурного явления, и эта патриотическая идея “превышала” собственно искусствоведение как метод, указывая на важную тенденцию, особенно развитую автором в трудах 1917–1918 гг.: украинская идея важнее самого искусства как такового. Не случайно эта статья появилась во львовском издании “Наукового товариства імені Шевченка”, редактируемом М.С. Грушевским, с которым автор начал личную переписку¹⁶. Неким визави указанной публикации была статья в “Православной Подолии” об украинских писанках. Здесь речь шла о подобии орнаментальных схем писанок росписям древнегреческих ваз депилонского и микенского стиля, а также римской керамики первых веков христианства. Автор доказывал, что указанное влияние античности в Украину пришло

Широцкий К. Архимандрит Мелхиседек Значко-Яворский // Православная Подолия, 1910, № 32; *Широцкий К.* Расписная пасека // Православная Подолия, 1912, № 44; *Широцкий К.* Надгробні хрести на Україні // ЗНТШ, 1908, кн. 2, с. 10–29; *Широцкий К.* Різдвяні свята на деяких пам’ятках староруського мистецтва. К., 1908; *Широцкий К.* Дещо з української іконографії // Рада, 1911, ч. 168; *Широцкий К.* Дещо з української творчости артиста-малювача Тропініна // ЗНТШ, 1911, кн. 3, с. 98–112; *Ладигенко К.* Національне мистецтво і завдання мистецтва на Україні // Украинская жизнь, 1912, кн. 3, с. 46–56. Переиздания: Минувле Подільської землі // Вінницькі вісті, 1941, № 8–9, 14–15, 17, 20–21; Нарис з історії художньої культури Галичини // Вінницькі вісті, 1941, № 40, 42; 1942, № 2–3; Подільські колядки та щедрівки. Хотин, 1991; Знамениті українські артисти-співці // Музика, 1993, № 3; Музика й співи в Україні // Культура і життя, 1995, 13 вересня.

¹⁵ *Широцкий К.* Надгробні хрести..., с. 10–29; переиздание: До 1000-ліття літописання та книжкової справи в Україні. Одеса, 1998, т. 1, с. 143–165.

¹⁶ См.: письмо Д.И. Дорошенко к К.В. Широцкому с упоминанием о М.С. Грушевском // ИР НБУВ, ф. 152, ед. хр. 88, л. 1.

через Візантію, но одночасно настаивал на своеобразии писанок как специального явления народной культуры, приведя западноукраинскую легенду о божественном происхождении писанок¹⁷. В обеих работах видны были начала школы Айналова, но автор пока работал самостоятельно, без руководства ученого, посему в его публикациях весьма странным образом переплелись общеевропейский контекст, стремление показать древние аналоги на материалах мировых цивилизаций и ярко выраженное желание возвысить украинское народное искусство, поставить его на особое место в мировой культуре. Но все эти “линии” в статьях пока что довольно слабо “срастались”, существуя как бы обособленно, в чем проявлялось отсутствие должного мастерства автора и самой научной школы.

Это мастерство не могло прийти само по себе – нужен был хороший учитель. Им стал классик Айналов. Поначалу это проявлялось в пассивной форме обучения – слушании лекционных курсов ученого. В архиве Широцкого сохранились законспектированные им тексты лекций Дмитрия Айналова: “История древнехристианского искусства”, “История русской живописи XVI–XIX вв. (Вклад проф. Айналова р. 1908–1909)” и “История древнерусского искусства” (6 октября 1909 г. – 2 марта 1910 г.). В этих конспектах немало графических зарисовок, заметок студентом своих собственных мыслей и, конечно, уникальный стиль изъяснения учителя¹⁸.

Но Широцкий не оставлял своего главного убеждения – украинства: слушая Айналова, он и сам стал преподавать историю украинского искусства на нелегальных украинских университетских курсах “Наша школа”. По словам современников, его лекции пользовались успехом, хотя лектор и не обладал талантом изложения, но он показывал “туманные картинки”, знакомя слушателей с реальными шедеврами украинского искусства¹⁹. Айналов не знал об этом: в тот ранний период их отношения были официальными и исключительно профессиональными. Наверное, Дмитрий Власевич даже не догадывался о публикациях своим молодым учеником в украинской прессе популярных очерков об украинском искусстве, не имевших научного характера, но призванных популяризировать национальное искусство хотя бы среди земляков²⁰. В противном

¹⁷ *Широцкий К.* Черты античной и древнехристианской живописи в украинских писанках // Православная Подолія, 1909, № 15–18, 25 с.

¹⁸ НХМУ ДАФ, ф. 2, ед. хр. 162, л. 1–95об., ед. хр. 116-а, л. 1–29.

¹⁹ *Січинський В.* Вказ. праця, с. 28–29.

²⁰ *Широцкий К.* Национальное искусство и задачи искусства на Украине // Украинская жизнь, 1912, № 3, с. 45–56; *Широцкий К.* Мотивы украинского орнамента // Украинская жизнь, 1912, № 11, с. 64–70; *Широцкий К.* Дещо про давні портрети // Сяйво, 1914, № 7–9, с. 198–202;

случае, классик не мог не удивиться ряду постулатов Широцкого, например, о сравнении украинских орнаментов с древнеегипетскими, древнеирландскими и румынскими и утверждении, что украинский орнамент, переработавший западные и восточные мотивы, вместе с тем, следует считать “наидревнейшим и наиоригинальнейшим”. Говоря о специфике украинских старых портретов, молодой исследователь “раскрывал” суеверия старосветских украинцев: с натуры писалось все “доличное”, а лицо “дописывалось” после смерти портретируемого, посему портреты – своеобразное мемориальное надгробие, в котором фигура условна и статична, а все вещи вокруг – символичны и многозначительны. Подобными “открытиями” пестрели почти все публикации молодого искусствоведа, но они оставались вне критики из-за невнимания профессионалов к местным и популярным печатным органам.

И вот неожиданность, о которой не знал никто из биографов Широцкого: летом 1910 г. он подал прошение о переводе в Университет Св. Владимира в Киев! Что было причиной такого шага, которой мог изменить всю его карьеру и отрешить от школы Айналова – неизвестно. Судьбе было угодно, чтобы этот проект не был осуществлен: до конца сентября он ждал в Киеве ответа на свое прошение, когда же срок записи на курсы был завершен, Широцкий обратился к проректору Санкт-Петербургского университета о восстановлении его в качестве студента (там запись на лекционные курсы заканчивалась 15 октября) с просьбой вытребовать из Киева его взнос за обучение (25 руб.). Администрация Университета Св. Владимира отказалась возвращать деньги, поскольку Широцкий был зачислен в число студентов, но Кость, ограниченный в средствах, просил петербургскую университетскую администрацию осуществить перевод денег через Министерство народного просвещения, к которому принадлежат оба университета. В дальнейшем на протяжении 1910–1911 гг. он исправно платил за обучение в Петербурге²¹. В Киев же он в очередной раз съездил в конце августа 1911 г. “на богомолье”, как говорилось в его студенческом удостоверении²².

Широцкий К. Дещо з української іконографії // Рада, 1911, № 168; *Широцкий К.* Дещо з української творчості артиста-маляра Тропініна // ЗНТШ, 1911, т. 103, кн. 3, с. 98–112; *Широцкий К.* Український національний колір // Рада, 1911, № 179; *Широцкий К.* Дещо про художню обстановку старого українського театру // Сяйво, 1913, № 7–9, с. 198–203; *Широцкий К.* Українське малярство в XVII ст. К., 1915; *Широцкий К.* Искусство // Украинский вопрос. М., 1915, с. 108–113.

²¹ НХМУ ДАФ, ф. 2, ед. хр. 1, л. 1–3, 11.

²² НХМУ ДАФ, ф. 2, ед. хр. 1, л. 7.

Успехи Широцкого на сугубо академическом научном поприще способствовали тому, что в 1912 г. по окончании университетского курса он, по ходатайству Айналова, был оставлен при факультете как профессорский стипендиат (сохранилось уведомление попечителя Санкт-Петербургского учебного округа от 16 марта 1913 г., что Широцкий “внесен в список кандидатов на просимую должность”²³, а также справка, что предложением от 6 февраля 1913 г. он утвержден в звании профессорского стипендиата с 1 января 1913 по 1 января 1915 г.²⁴). Этому предшествовали напряженные занятия молодого ученого под руководством классика в Музее искусств университета, о чем свидетельствует первое из публикуемых ниже рекомендательных писем профессора. Этот факт сотрудничества и поддержки Широцкого говорит о том, что учитель увидел в молодом исследователе талант, достойный его школы и ученичества. Теплое послание учителя с приглашением в Козелец (21 июня 1913 г.) также указывает на это²⁵. В мае-июне 1913 г. Русский музей и Императорская Археологическая комиссия командировали “профессорского стипендиата” в Подольскую губернию для археологических изысканий²⁶. В конце мая 1915 г. Кость Витальевич получил от Императорской Археологической комиссии “открытый лист” на право изучения “церковных древностей Киева” и фотографирование их²⁷. Отчитываясь о проведенных работах за время пребывания профессорским стипендиатом, Широцкий указывал, что активно занимался изучением искусства Византии, а также его проявлений в памятниках Киева, Чернигова, Галича, Новгорода, Владимира (это все – по плану Айналова). При этом молодой исследователь отмечал: “Южнорусские памятники, как наиболее близкие мне по месту рождения, меня занимали больше всего, особенно же неизданные архитектура и фрески Бакоты, Буши, Галича и Сутковец”. Часть собранных материалов (о Бакоте) он опубликовал, а также обнаружил неизвестный иконостас и портреты работы В. Тропинина. Кроме того, осенью 1913 г. наблюдал за археологическими исследованиями в Полоцке церковью Бориса и Глеба, Софийского собора и Спасо-Преображенской церкви. Не преминул Широцкий указать, хоть это было и вне программы, а также могло “сработать” против него, что составил и подготовил к изданию альбом рисунков и живописных произведений Тараса Шевченко²⁸.

²³ ИР НБУВ, ф. 152, ед. хр. 6, л. 1.

²⁴ НХМУ ДАФ, ф. 2, ед. хр. 1, л. 21.

²⁵ *Гордієнко Д.* Вказ. праця, с. 84.

²⁶ НХМУ ДАФ, ф. 2, ед. хр. 1, л. 8–9.

²⁷ ИР НБУВ, ф. 152, ед. хр. 7, л. 1.

²⁸ НХМУ ДАФ, ф. 2, ед. хр. 1, л. 6–6об.

Его научные изыскания под руководством учителя неуклонно становились все более профессиональными и научно обоснованными. Однако магистерские экзамены Широцкий смог выдержать не сразу, лишь к 1 октября 1916 г.²⁹, что и дало ему право стать приват-доцентом кафедры истории искусств и ассистировать своему учителю. Биографы Широцкого, опираясь на факт окончания им стипендиатства 1 января 1915 г., пишут о начале преподавания именно с этого времени. Однако ситуация была сложнее: Широцкий не смог сдать магистерские экзамены к этому сроку. 20 апреля 1916 г. О. Браун писал ему, что Айналов по болезни собирается вскоре выехать из Петербурга, поэтому пусть Широцкий обсудит с учителем вопрос об экзаменах: либо 30 апреля, либо отложить до осени, либо просить Б.В. Фармаковского проэкзаменовать магистранта вместо Айналова³⁰. По существовавшим правилам, приват-доцентство можно было получить только после экзаменов и пробной лекции. Таким образом, преподавать Широцкий начал все же с осеннего семестра 1916 г. В Петроградском университете Константин Витальевич читал курсы по древнерусскому и галицкому искусству, а также об украинских (по происхождению) художниках³¹ и даже о художественном творчестве Ломоносова³². В это время, как свидетельствует рекомендательное письмо-ходатайство Айналова, Широцкий работал в фондах императорского Эрмитажа. Однако в ноябре-декабре 1916 г. и начале 1917 г. Кость Витальевич был в Киеве, совершая временные поездки в Москву³³ – наверное, это было связано и со сбором материала для своих работ, и с общественной деятельностью (на поле украинства).

Одновременно он продолжал свою патриотическую украинфильскую деятельность, с головой окунувшись в работу украинских общественных организаций Петербурга/Петрограда. В связи с этим молодой ученый занялся изучением художественного наследия Тараса Шевченко и на протяжении 1913–1914 гг. опубликовал об этом несколько важных

²⁹ Справка историко-филологического факультета Петроградского университета от 20 апреля 1916 г., выданная в том, что К.В. Широцкий держит магистерские экзамены, которые должен закончить к 1 октября 1916 г. // ИР НБУВ, ф. 152, ед. хр. 8, л. 1.

³⁰ НХМУ ДАФ, ф. 2, ед. 1, л. 12.

³¹ *Широцкий В.* Жизнь и деятельность Григория Кирилловича Левицкого // Искусство в Южной России, 1914, № 5–6, с. 175–189; *Широцкий В.* Артист-маляр Иван Сошенко // Рада, 1913.

³² *Широцкий К.* Ломоносов яко художник // Рада, 1911, № 252; русский вариант: Ломоносов как художник // Искусство, живопись, графика, художественная печать, 1911, № 11, с. 468–470.

³³ ИР НБУВ, ф. 152, ед. хр. 132–134, л. 1–3.

работ³⁴. Некоторые из этих публикаций ценятся и до сего времени. Они весьма оригинальны даже по сюжетам и отдельным моментам, которые автор впервые увидел в произведениях украинского гения (о турецких мотивах; образе могилы и смерти³⁵, религиозных мотивах). Ученый увидел в творчестве Шевченко влияние Рембрандта, голландской и фламандской школы живописи. Но все же, Широцкий выдвигал и немало спорных идей, например, о том, что графика Шевченко возникла из-за его неудовлетворенности передачей красками всего многообразия украинской природы, посему он перешел к заострению внимания на формах – отсюда любовь к офортам; более того, автор утверждал, что графика – самый лучший из видов изобразительного искусства в принципе. В этом случае Широцкого не сдерживала “школа” и ответственность перед учителем – он был самостоятельным исследователем. И именно в этих публикациях рано проявилось его стремление к оригинальности на грани с эпатажем, что затем сильно разовьется в его новых трудах, наполненных необоснованными сравнениями и постулатами.

В 1913–1914 гг. Широцкий подготовил к изданию свой самый капитальный из опубликованных трудов – “Очерки по истории декоративного искусства Украины. Художественное убранство украинского дома в прошлом и настоящем”³⁶. Именно по поводу этой рукописи в архиве ученого сохранилось обстоятельное письмо к нему Д. Айналова с многочисленными замечаниями. Учитель после подробных указаний

³⁴ *Широцкий К.* Невеста Шевченко // Искусство. Живопись, графика, художественная печать, 1911, № 2, с. 70–82 (более полный украинский вариант: Літературно-науковий вістник, 1911, кн. 2, с. 275–289); *Широцкий К.* Портретные произведения Тараса Шевченко // Искусство в Южной России. Живопись, графика, художественная печать, 1914, № 1–2, с. 17–41; *Широцкий К.* Шевченко-художник // Русский библиофил, 1914, № 1, с. 28–47; *Широцкий К.* Шевченко як ілюстратор // Шевченківський збірник. Пгр., 1914, т. 1, с. 90–119; *Широцкий К.* К. Брюллов и Т. Шевченко // Украинская жизнь, 1913, № 2, с. 55–59; *Широцкий К.* Гравюры Шевченка // Украинская жизнь, 1914, № 2, с. 49–57; *Широцкий К.* Деякі портрети, роблені Тарасом Шевченком // Рада, 1911, № 76–77; *Широцкий К.* Заняття Т. Шевченка старовиною // Рада, 1911, ч. 49; *Широцкий К.* Туреччина в картинах Т.Г. Шевченка // Збірник памяти Тараса Шевченка (1814–1914). К., 1915, с. 91–98; *Широцкий К.* Шевченко – художник // Сяйво, 1914, № 2, с. 44–53; *Широцкий К.* Сама собі в хаті господиня // ЗНТШ, 1911, т. 101, кн. 1, с. 101–108; *Широцкий К.* Русалки: картина Т. Шевченка // Літературно-науковий вістник, 1914, кн. 2, с. 282–287.

³⁵ *Широцкий К.* Могила й смерть на картинах Т. Шевченка // Діло (Львів), 1911, ч. 54.

³⁶ *Широцкий К.* Очерки по истории декоративного искусства Украины. Художественное убранство украинского дома в прошлом и настоящем. К., 1914. Предварительная публикация материалов была осуществлена в специальном периодическом издании: *Широцкий К.* О живописном убранстве украинского дома в прошлом и настоящем // Искусство в Южной России, 1913, № 4–5, 6, 9–10; 1914, № 1–2, 3–4, 5–6.

и критических замечаний констатировал: “Ваша работа представляет значительный интерес. Однако, ее надо освободить от общих мест, от длинностей и во многих случаях сделать новые разыскания. У Вас есть свежий, отличный материал – его надо систематизировать иначе, чем это сделано, и отбросить ненужное. С удовольствием читал все разыскания, касающиеся отдельных сюжетов, но Вы можете сделать эту часть еще лучше. Надо приникнуть к источнику всеобщей европейской истории искусств и в нем ожить. Ваша тема очень разрослась, но это ее достоинство, т. к. Вы на всем пространстве ее старались ее сделать научной работой. Теперь можете взяться за отделку периодов”. Наверное, по поводу данной рукописи Айналлов в конце февраля и начале октября 1914 г. назначал индивидуальные встречи ученику³⁷.

Именно эту работу К. Широцкого можно назвать его лучшей и самой фундаментальной и по замыслу, и по воплощению, и по массе материала, и по эрудиции, и по аргументированности, и по самому уровню искусствоведческого профессионализма. Это едва ли не единственная книга, да и вообще публикация Широцкого, которой он показал свою реальную принадлежность к школе классика, а также то, что он достоин называться учеником Айналлова. В указанном исследовании молодого ученого было все, что относилось к убранству дома – от архитектуры и живописи (картин, икон, рисунков на стенах) до ковров, посуды и т. п., хотя, по словам самого же автора, многое осталось “за бортом” (резные, скульптурные украшения, инкрустация, привески и прицепные узоры из бумаги и соломы). Автор представлял убранство покоев шляхты и казацкой старшины, духовенства, мещан и крестьян. Все сюжеты и приемы он рассматривал в ретроспективе, с подробными сравнениями с подобными явлениями в мировой истории искусства. Ценным было также то, что Широцкий активно использовал все виды письменных источников от средневековых актов до записок иностранцев. То есть, в данном труде было все, что должно было быть в фундаментальной классической работе высокого научного уровня. Кроме того, автор вводил массу нового материала именно из области украинского искусства. Этот материал сам по себе указывал на своеобразие, богатство и ценность украинского искусства, без всяких авторских акцентов и патриотических лозунгов, без нарочитого подчеркивания уникальности и “древнейшести”. Именно в этом произведении проявилась высокая школа Айналлова и исключительно научный подход к анализу материала.

³⁷ Гордієнко Д. Вказ. праця, с. 84–85.

Верифікація тексту учителем до його публікації накладувала на Широцького високу відповідальність саме перед учителем і його навчальними вимогами. Не дивно, що написана під безпосереднім спостереженням класика книга його ученика також стала складовою частиною класического наукового спадку українського мистецтвознавства початку ХХ століття. Велика роль Айналова в підготовці даної праці була підкреслена Широцьким в передмові: “Настоящая работа о художественном убранстве южно-русского дома, посвящаемая Многоуважаемому Учителю моему Дмитрию Власьевичу Айналову в юбилейный год Его ученой деятельности”³⁸. Звернемо увагу на двоякість автора в визначеннях: на титулі йдеться про “декоративное искусство Украины”, а в передмові – про “южно-русском доме”. Широцький як би “роздвоївся” між власним яскравим патріотизмом і офіційною термінологією російського мистецтвознавства, використовуваною і його учителем.

Цікаво зауважити, що в 1914 р. Широцький застосував всі свої знання і художній талант на практиці: він керував розписом (художник Г.А. Золотов³⁹) церкви і іконостасу с. Белоусовки на “малой Родине”, в Гайсинському повіті Подільської губернії (там служив на приході його батько), більше того⁴⁰ – Кость сам розписав панель в бабинці і панель на хорах, а потім в спеціальній публікації розглянув особливості національного стилю в мистецтві⁴¹. В цій праці найбільш виразно проявилось його давно вироблене прагнення підняти українське мистецтво через порівняння з античним, західним, східним; демонстрація древніх коренів, впливів і творчої переробки українськими майстрами всього кращого з світового мистецтва (наприклад, ренесансних мотивів), а також демонстрації яскравих відмінностей від “московського стилю”. Автор постулював, що в Белоусовській церкві органічно поєдналось національне

³⁸ *Широцький К.* Очерки по истории декоративного искусства Украины. Вып. 1: Художественное убранство дома в прошлом и настоящем. К., 1914, с. 1.

³⁹ С. П. Золотовым К. Широцький підтримував стосунки і в подальшому, наприклад, в 1917 р. замовляв у нього обкладинки для видань Товариства охорони пам'яток старовини і мистецтва; см.: ІР НБУВ, ф. 152, од. хр. 93, л. 1. По повідомленням В. Зуммера, Григорій Александрович Золотов співпрацював з видавництвом В.С. Кульженко, оформив в українському стилі столовую в квартирі Кульженко, написав для нього портрет Йоганна Гуттенберга, з 1927 р. працював в Баку, де до 1930 р. був викладачем художнього училища, оформляв книги і намалював портрет самого Зуммера; см.: ІР НБУВ, ф. 70, од. хр. 487, л. 1–2.

⁴⁰ В одній з частин архіву К.В. Широцького збереглася рукопис його батька – “Церковная летопись Свято Михайлівської церкви села Белоусовки Гайсинського повіту Подільської єпархії” (ІР НБУВ, ф. 152, од. хр. 164, 232 л.). Тут також описана історія храму і розписи в ньому, вклеєні фотографії і зарисовки (л. 63об.–66об.).

⁴¹ *Середь А.* Вказ. праця, с. 129.

искусство прошлого и современности. Широцкий зачем-то попытался дать общий обзор европейского и украинского искусства от древности до современности в весьма странном и упрощенном виде, акцентируя именно на современности, утратившей национальные традиции, одновременно выступая против простого возрождения старины, поскольку жизнь не стоит на месте, требуя новых форм и в архитектуре. Широцкий хвалил росписи кисти Ижакевича в Киеве и Устиановича в церкви с. Липовицы, который в образах святых представил “портреты идейных украинских деятелей” (арх. Михаил – Б. Хмельницкий; Св. Николай – Т. Шевченко), а также Панкевича, изобразившего Христа и Богоматерь в украинских одеждах. По словам К. Широцкого – росписи белоусовской церкви могут считаться современной классикой, где украинская старина переделана “на новый лад”, поэтому именно здесь “відчувається українське лице, дух рідної природи, багацтво минулої культури... , розвивається самобутній національний художній світогляд”⁴².

Вряд ли все эти идеи могли быть восприняты Айналовым, тем более, что приведенные в публикации иллюстрации не позволяли столь высоко оценивать росписи провинциальных живописцев (кроме Г.А. Зотова – Я.П. Шатов, К.И. Крунталь, А.Е. Чижский). Да и на кого в Одессе могла быть рассчитана эта публикация? Тем не менее, именно она показывала, что, отойдя от учителя и физически и интеллектуально, Широцкий всегда оставался в своем исключительно украинском мире высокого патриотизма, стремившегося вернуть своих соотечественников к истокам, шедеврам национального искусства и привить им стремление в современной жизни активно использовать все наработки национальной культуры прошлого. Конечно, в этом патриотическом порыве он жертвовал профессионализмом искусствоведа, школой, полученными знаниями, сводя все “потoki культуры” к одному украинскому знаменателю. Символично, что именно возле этого храма, рядом с его настоятелем и родным отцом был похоронен и сам Кость Витальевич – его брэнное тело осталось в том месте, которое он считал образцом современного украинского сакрального искусства.

Некий занавес над историей с росписями и публикацией раскрыл сам Широцкий в письме к редактору издания А.В. Никольскому (от 12 августа 1915 г.): статья была написана с трудом из-за отсутствия необходимых материалов, слабы по качеству были и иллюстрации,

⁴² Широцкий К. Білоусівська церква // Основа. Одеса, 1915, кн. 2, с. 44–59; отд. отт.: Одеса, 1915, 16 с.

поскольку не было необходимой техники. Однако Широцкий считал своим долгом показать, что художники серьезно работали с образцами украинского искусства, он также указал, что по настоянию властей им пришлось “все перемалювать”, а его отец – настоятель храма, еле “вивернувся” от обвинения в “мазепинстве”. Широцкий считал, что эта роспись есть образцом для возобновления украинского стиля в современных церковных росписях, поэтому ее нужно популяризировать. Интересно, что автор так торопился, что даже заглавия своей работы не придумал – это сделал уже редактор⁴³. В указанной рукописи отца Виталия Широцкого также говорится, что по доносу священника соседнего села Александра Лотоцкого местный благочинный произвел ревизию росписей и приказал “изменить их стиль, сообразуясь с строгими требованиями “канонического” византийского искусства”. Художники смягчили стиль, “переделали” святых в античные хитоны и гиматии и “сообщили лицам нейтральные интернациональные черты” (священник подробно перечислил все изменения), но алтарь и средник храма были расписаны по первоначальной задумке в украинском стиле XVII–XVIII вв. (перечислялись все образцы с подробным описанием всех росписей, их символики и красок)⁴⁴.

Но вот что важно: сам Айналов постоянно подталкивал ученика к идее, что украинское искусство, по крайней мере, с XIV в., достаточно сильно тяготеет к западным образцам, требуя от Широцкого сравнений, более широкого контекста памятников искусства и использования специальной иностранной литературы. Широцкий воспринял эту идею, но не совсем адекватно ее применял в своих исследованиях. Примером могут служить не только названные выше его публикации, но и другой “киевский материал” того времени. В частности, укажем на специальную статью ученого о новооткрытых Зверинецких пещерах в Киеве, опубликованную под псевдонимом Ладыженко (Белоусовка располагалась возле Ладыжина)⁴⁵. Автор лично имел возможность осмотреть пещеры после раскопок. И вот Широцкий, исходя из “западнической установки”, заявил, что в древних Зверинецких пещерах (тогда они датировались домонгольским временем) речь должна идти о римско-католическом обычаяе положения духовных лиц головами в одну сторону, а светских –

⁴³ ИР НБУВ, ф. 226, ед. хр. 272, л. 2–4об.; ед. хр. 273, л. 4–5об.

⁴⁴ ИР НБУВ, ф. 152, ед. хр. 164, л. 63об.–66об.

⁴⁵ *Ладыженко К.* Староруський некрополь у Києві на Звіринці // Рада, 1913, № 2, 3/16 січня, с. 2–3. Ср. подобную по стилю публикацию: На руїнах Бакоти // Літературно-науковий вістник, 1912, кн. 1, с. 71–80.

в другую, а посему уверенно датировал эти погребения XVI–XVIII вв., опираясь на обнаруженные там кожаные монашеские пояса с вытисненными изображениями, которые, по его мнению, следовало датировать именно XVI–XVII вв., хотя специалисты (археологи, палеографы, источниковеды, как то академики А.И. Соболевский и Н.П. Лихачев, а также профессор Н.И. Петров) датировали пояса XIV–XV вв. Широцкий это не смутило и он даже “привязал” находки к весьма конкретной церковно-политической ситуации, месту и социальной группе, приписав данные погребения монахам Выдубицкого монастыря, который в 1596–1632 гг. был переведен в унию. Это была весьма умозрительная и противоречивая идея, поскольку открытые к тому времени надписи на стенах исследователь все же датировал XI–XII вв. Но вновь едва ли не первым он привел экстравагантное и сомнительное предположение: до начала исследований пещеры несколько лет подряд грабились, поэтому, возможно, тогда и были сделаны надписи, а значит они сфальсифицированы, хотя сам автор с этой идеей не соглашался (зачем же она вообще ему понадобилась?). Особое место Широцкий уделит подземному храму, считая, что он был сделан в последнее время создания пещер под влиянием романо-готического склепа, хотя список игуменов над жертвенником признавал старинным (т. е., до времени распространения указанного архитектурного стиля). Анализируя изображения на монашеских поясах (которые он, напомним, датировал XVI–XVII вв.), исследователь оценивал их как весьма примитивные по технике, но с архаическими формами иконографии – старая византийская архаика совмещена с местными “примесями” апокрифического типа; при этом как это накладывается на “латинскую традицию” униатов – оставалось для читателя загадкой. Неточность авторских интерпретаций в целом подчеркивалась его замечанием, что все найденные в пещерах вещи выставлены в витрине в небольшом помещении, сооруженном монахами Выдубицкого монастыря, который реально никакого отношения ни к строениям, ни к пещерам не имел. Такой фейерверк гипотез, предположений, почти фантастических интерпретаций и заключений способен был сбить с толку неискущенного украиноязычного читателя: древние надписи, униаты, католики, православные – все смешалось в Зверинецких пещерах! Но главное, что в структуре мышления самого Широцкого необоснованно смешалось стремление воплотить установочную идею о “западном влиянии” с не укладывающимся в эту идею конкретным материалом. Ему совершенно еще не хватало ни эрудиции, ни широты взглядов, ни интуиции, ни способности концептуально мыслить –

то есть, ученик, когда он действовал самостоятельно, был еще очень и очень далек от уровня своего учителя. Тем не менее, он стремился ему подражать именно в “западничестве”, и сравнительных аналогиях и чисто искусствоведческих определениях, искусственно “привязанных” к археологическому материалу, требующему иного ракурса исследования и совсем других аналогий. Все сказанное будет вновь подтверждено материалами путеводителя по Киеву 1917 г., где можно видеть все те же тенденции, перегибы и неточности – но об этом чуть ниже.

Следует все же подчеркнуть, что “западнические” взгляды Широцкого могли быть сильно подкорректированы, изменены и даже концептуально переосмыслены в связи с запланированной поездкой по странам Западной Европы и античного мира с целью изучения памятников старины и искусства воочию. Именно это всегда “переиначивало” молодых исследователей, поскольку они встречались с реальным контекстом западного, византийского и восточного искусства разных времен и народов. После таких поездок древнерусские и украинские памятники воспринимались уже совсем в ином свете и контексте. Однако Широцкому все это “переиначивание” не удалось: путешествие по Европе, начавшееся в 1914 г. с Италии, быстро оборвалось еще не начав приносить плоды – помешала война. Широцкий остался на территории Галиции и Буковины, изучая местные памятники искусства во всех их формах и проявлениях. Здесь он подготовил (в соавторстве) целое исследование об истории и искусстве Галиции, Буковины и Угорской Руси⁴⁶. Затем он выехал в Петербург, где в начале 1917 г. вновь работал, но больше на научном поприще. В письме к В.Е. Козловской от 19 февраля 1917 г. Широцкий писал: “Столичне життя своєю надмірною різносторонністю не дає можливості людям мати між собою об’єднання на якомусь іншому полі крім наукового. Усі гуртуються коло своїх катедр та коло наукових товаришів. Щодо мене, то я, яко українець, окрім наукових російських закладів беру участь у деяких громадських інституціях українських”⁴⁷. Краткие воспоминания о некоторых сюжетах жизни Широцкого в Петербурге указанного времени оставила Надежда Суровцева, которая познакомилась с ученым уже в 1915 г., вместе они ездили по селам Уманщины, собирая этнографический материал. Она

⁴⁶ Баладыженко К. (Широцкий К., Балицкий П.). Буковина и ее прошлое. Пг., 1915; Баладыженко К. (Широцкий К., Балицкий П.). Иллюстрированная история Галичины в кратких очерках. Пг., 1915; Баладыженко К. (Широцкий К., Балицкий П.). Краткая история Галицкого княжества. Пгр., 1915.

⁴⁷ ИР НБУВ, ф. 152, ед. хр. 70, л. 2.

писала о продолжении Широцким лекций по истории искусства в “украинском университете”, об их общем “походе” по революционному Петербургу⁴⁸, наконец, о самом творческом стиле работы Костя: “Я пригадую, як один рік у Ленінграді я прожила в комуні – два доценти (М.П. Сычев и К.В. Широцкий – *сост.*) і я в квартирі батьків одного з них. Обидва вони працювали по-різному: один до світанку, другий на світанку тільки розпочинав, і кожний агітував мене за свій метод. Мабуть тепер я стала б на боці другого”⁴⁹.

Нельзя не упомянуть и о работе Широцкого в иной “географической точке”, за границами украинских земель, но связанной с искусством Киевской Руси. Имеем в виду публикацию о Софии Полоцкой⁵⁰. Интересно отметить, что эта статья появилась под давлением редактора записок Русского археологического Общества, который отказался взять статью “об Иорданских сооружениях”, но настоятельно рекомендовал сделать материал о Полоцкой Софии, который “крайне желателен”⁵¹. Вот так и появилась эта публикация: буквально заказанная редактором и написанная в стиле и по требованиям академического издания.

В этой публикации Широцкий как бы “возвращается” к руслу школы Айналова и предлагает классический образец описания собора: приводит все письменные памятники и упоминания в них, сравнительные материалы из Софийских соборов Киева и Новгорода, результаты натурального изучения сохранившихся при перестройках древних частей Полоцкого собора в контексте древнерусской храмовой архитектуры. Из западных аналогов ученый упоминал лишь соборы Вормса и Бамберга, указав на некое отражение романского стиля в полоцком храме, но подчеркнув превалирующее влияние киевской, новгородской и черниговской архитектуры. Широцкий датировал Софию Полоцкую второй половиной XI в. и приписывал ее строительство князю Всеславу (ум. 1101 г.). В этой публикации как бы предстал совсем иной автор. Публикации Широцкого “под покровом” учителя и под влиянием украинской национальной идеи были настолько разными по наполнению, стилю, самой аналитической манере, что кажется, будто речь должна идти о двух разных авторах и ученых. Один из них – ответственный ученик Айналова, а другой – яркий

⁴⁸ ИР НБУВ, ф. 284, ед. хр. 81, л. 73, 79, 84–85.

⁴⁹ Суровцова Н. Листи. К., 2001. Кн. 1. Листи до Кіри Іванівни Данилової. № 129, с. 254.

⁵⁰ Широцкий К.В. Софийский собор в Полоцке. Пгр., 1916, 14 с. (из: ЗОРСА РАО, т. X, 1915, с. 77–90).

⁵¹ НХМУ ДАФ, ф. 2, ед. хр. 1, л. 10–11.

представитель украинского национального движения и идейный борец за традиции украинского искусства любой ценой, даже ценой уровня профессионализма. Конкретный штрих к сказанному – украиноязычное представление Софии Полоцкой, которое просто кардинально отличается не только по стилю, но и идейной направленности от академической статьи⁵². Заметим, что Широцкий имел заказ и планировал написать работу и о памятниках Новгорода. Об этом ему напоминали А. Грабарь и Н. Сычев в дружеском послании от 5 июня 1918 г.⁵³ Однако в то время ученый уже с головой ушел в украинскую жизнь и ее проблемы.

Для истории древнерусского искусства и киевоведения, конечно же, самой важной была его книга по Киеву, вышедшая в 1917 г. под грифом “Путеводителя” по главным районам города (Старый город; Подол; Плоское, Щекавица и Оболонь; Сады и Печерск; Крещатик, Липки, Новое Строение и окрестности) с подробным изложением истории и описанием всех памятников старины и искусства⁵⁴. 5 сентября 1917 г. в Университете Св. Владимира на заседании Общества изучения искусств книга Широцкого была специальной темой обсуждения. Председательствовал С.А. Гиляров. Очень обстоятельно выступал Ф.Л. Эрнст с похвалой издания, однако он все же отметил немалое количество фактических ошибок, обусловленных недостаточным знакомством с литературой некоторых вопросов и излишним “локальным патриотизмом” – желанием видеть специальные украинские черты даже там, где их нет. Обсуждение было достаточно продолжительным и бурным, поскольку выступали как научные светила, так и киевоведы-любители: Г. Павлуцкий, В. Щербина, В. Базилевич, Г. Жураковский, С. Гиляров, М. Алексеев и многие другие⁵⁵. Как уже отмечалось нами выше, в этом издании ученый вновь продемонстрировал свое несоответствие уровню учителя-классика, значительные перегибы и не только в сторону “западничества”, но и “украинства”, примеры которых указывали на превалирование заданных идей над самим прагматическим материалом⁵⁶. Для “проверки” возьмем материал о Зверинецких пещерах, поскольку на протяжении 1913–1917 гг. уже появились подробные исследования о них ученых, специально изучавших пещеры

⁵² *Шероцький К.* Пам’ятки старовинного мистецтва в Полоцьку // Рада, 1913, № 229.

⁵³ НХМУ ДАФ, ф. 2, ед. хр. 6, л. 1–2.

⁵⁴ *Шероцький К.* Киев. Путеводитель. К., 1917 (репринт: К., 1994).

⁵⁵ Новый путеводитель по Киеву // Киевлянин, 1917, 7 сентября, № 210.

⁵⁶ Критические рецензии на издание были опубликованы профессором Н.И. Петровым (Записки історико-філологічного відділу Української Академії наук, 1919, кн. 1, с. 123–124) и О.И. Левицким (Книгарь, 1917, ч. 2, с. 85–86).

и все артефакты, связанные с ними⁵⁷. И что же пишет Широцкий? Указав на неотделенность престола от восточной стены в подземной церкви и помещение его просто в нише, что предшественники автора видели также в ранних храмах Инкермана (Крым) и в раннехристианских храмах Востока, Широцкий вновь необоснованно “западничает”: он указывает, что это “сближает его (подземный храм на Зверинце – В.У.) с устройством католических престолов”. Далее автор не соглашался с датировкой графити со списком игуменов над жертвенником домонгольским временем, заявлял, что это “едва ли справедливо в виду несоответствия с такой датой палеографических признаков этих надписей ... и более позднего происхождения сделанных здесь находок” (XIV–XVI вв.). Привязывая возникновение пещер к Выдубицкому монастырю, Широцкий вновь повторяет свою ошибку, будто именно этот монастырь “ныне устроил в них свой скит”⁵⁸. Вряд ли эти идеи нужно комментировать. Тенденция автора ясна: она отвечает ранним установкам “западничества”, умозрительных построений и несовладания с конкретным материалом. Подобное можно проследить и на других статьях путеводителя (например, автор считал, что в Софии Киевской видны черты романских соборов Вормса и Трира; с другой стороны, он указывал, будто трипольская культура из Украины была через Балканы перенесена в Грецию и стала основой классической культуры античности), поэтому его критика Ф.Л. Эрнстом и другими была справедлива. Широцкий прибегал к широким мазкам, обзорам огромных пластов культуры и искусства разных стран и народов, влияние которых видел в украинском искусстве, но все это было слишком общо, поэтому выглядело бездоказательно и сильно упрощенно. Однако сам автор, по-видимому, чувствуя шаткость своих постулатов, считал достаточным просто указать на “необычайные открытия” Милеева и Хвойки, которые “кладуть староруську штуку в зовсім нове освітлення, якого вона ще ніколи до сеї пори не мала”⁵⁹. Мало кому известно, что Широцкий в 1917 г. по просьбе Археологической комиссии (письмо от 3 октября 1917 г., адресованное настоятелю Десятинной церкви протоиерею

⁵⁷ *Эртель А.Д.* Древние пещеры на Зверинце в Киеве. К., 1913; *Каманин И.* Зверинецкие пещеры в Киеве (их древность и святость). К., 1914; *Серрапион, иеромонах.* Новоткрывающиеся древние пещеры в Киеве, на Зверинце. К., 1914; *Петров Н.И.* Ученые труды по исследованию ново-открытых в Киеве Зверинецких пещер. Пгр., 1917. Подробнее см.: *Воронцова О.А.* Дослідження та відродження Звіринецького печерного комплексу у Києві – середньовічної пам’ятки історії та культури України // Лаврський альманах. Спецвипуск 9: Дослідження монастирських печерних комплексів. К., 2010, с. 7–53.

⁵⁸ *Широцкий К.В.* Киев. Путеводитель..., с. 324–325.

⁵⁹ *Широцкий К.* Українська штука за часів старокнязівських та її виучення. К., 1918.

П. Вельмину “Археологическая Комиссия покорнейше просит Ваше высокопреподобие не отказать выдать подателю сего приват-доценту Петроградского университета Константину Виталиевичу Широцкому чертежи к раскопкам Д.В. Милеева и сына Вашего С.П. Вельмина для доставки в Археологическую Комиссию”) получил дневники и зарисовки Милеева и Вельмина по материалам раскопок 1908–1914 гг., которые так и остались в его личном архиве⁶⁰. Некоторые же исследователи безосновательно считали, будто сам Широцкий участвовал в раскопках Десятинной церкви, что является ошибкой⁶¹. Относительно Викентия Хвойки, то Широцкий имел ввиду его исследования трипольской культуры, которая “связывает нашу древность с архаической Грецией”⁶². Тем не менее, эти ссылки не могли быть полноценными аргументами, тем более указанных постулатов самого автора, поскольку совершенно их не касались. Подчеркнем, что в указанном труде о системе изучения “украинского искусства старокняжеских времен” Широцкий упоминал и своего учителя (Д.В. Айналова), но лишь в перечне имен, тогда как Н.П. Кондакова характеризовал в качестве “начинателя нового направления”.

К сожалению, мы не знаем реакции на сочинение ученика его учителя-классика и меры ответственности автора перед ним. Тем не менее, как представляется, планка Широцкого была занижена: даже весьма спорные построения Д.В. Айналова были представлены куда более доказательно и изящно. Поэтому не случайно, что Широцкий, даже при условии публикации оставшихся в рукописях его трудов, не смог бы стать классиком⁶³. Но это суждено не многим, тем более, мало кому из учеников удавалось достичь уровня своего классика-учителя. Сказанное требует и от нас некоего объяснения: автор статьи ни в коем случае не собирается умалять талант и творческие достижения Константина Широцкого, а лишь пытается показать некое далеко не условное соотношение талантов

⁶⁰ ИР НБУВ, ф. 152, ед. хр. 163, 5 тетрадей и записки.

⁶¹ *Иваневич Л., Трембіцький А.* Вказ. праця, с. 9.

⁶² *Широцкий К.* Рец. на: Козловская В. Светлой памяти В.В. Хвойки. Одесса, 1917 // Книгарь, 1917, ч. 1, с. 34.

⁶³ В этом суждении мы расходимся с оценкой искусствоведов: “Його наукові ідеї, теорії, методи належать до найвагоміших досягнень українського мистецтвознавства доби становлення. Ґрунтовне знання дуже значного фактологічного матеріалу, інтерес до деталей, аналіз поодиноких явищ переростає в його працях у прагнення узагальнити широке коло питань, дати об’єктивну наукову оцінку характеристику тій чи іншій проблемі. Провідною тенденцією його публікацій завжди залишаються бажання утвердити значимість і своєрідність українського мистецтва” (*Антонович С., Удріс І.* Українське мистецтвознавство кінця ХІХ – початку ХХ століття: національне образотворче мистецтво в працях учених київської школи. К., 2007, с. 134–135).

учитель – ученик, поскольку каждый ученик, особенно в то время научной этики, должен был стремиться быть ответственным за свою школу и соответствовать ее уровню.

Для полноты биограммы Костя Витальевича, нам остается обратиться к последним двум годам его жизненного пути. Некоторое время Широцкий был комиссаром Городенковского уезда в составе русской администрации Галиции и Буковины от Временного Правительства⁶⁴. В качестве комиссара Широцкий активно добивался помощи уезду, в котором троекратно реквизировалось продовольствие и скот и слабо уродили зерновые в 1916 г., а морозы и засуха текущего года также уничтожили почти весь урожай; войска постоянно требовали фуража и продуктов – комиссар настоятельно просил запретить реквизиции и наладить снабжение города промышленными товарами, сахаром и мукой⁶⁵. Как свидетельствуют письма Надежды Суровцевой, комиссар писал ей о “горе и злыднях” в своем районе и очень печалился этим⁶⁶. О своих переживаниях иного рода, то есть, разочаровании в общей массе народа, Широцкий писал отцу, который отвечал (8 июля 1917 г.): “Разочарован ты, видимо, людьми, порядками и создавшейся обстановкой. . . . Там, на верхах, когда изменяли строй – не знали народа с его грубостью, некультурностью и дикостью. Судили по интеллигентным городским фабричным и др. рабочим и даровали право на полное самоуправление: Живи как хочешь, как знаешь, лишь бы ты был доволен; угнетай всех тех, кто выше тебя по уму и средством к существованию! И вот мы видим, насколько ошибочен такой взгляд и насколько поспешно дарование “Пресловутых свобод”! Теперь что ни село – то своя республика, в каждом селе живут по-своему и делают то, что показывает дикость инстинкта: бесконтрольно властвовать, своевольничать и вообще жить не по разуму и не по совести...”⁶⁷.

Широцкий не смог долго быть комиссаром при полной анархии, выехав сначала в Петроград для решения своих дел, в начале осени 1917 г. он вернулся в Киев. Из его возмущенного послания в Совет профессоров Украинского народного университета от 15 октября 1917 г. узнаем,

⁶⁴ Справка о службе Городенковским уездным комиссаром от 10 июля 1917 г. // ИР НБУВ, ф. 152, ед. хр. 9, л. 1; Оттиск печати комиссара Временного Правительства по Городенковскому уезду, которой пользовался Широцкий // НХМУ ДАФ, ф. 2, ед. хр. 1, л. 28.

⁶⁵ Доклад комиссара К. Шероцкого от 17 мая 1917 г. и ответ Главного комитета по оказанию помощи пострадавшему от войны населению от 14 июня 1917 г. // ИР НБУВ, ф. 152, ед. хр. 15, л. 1–2.

⁶⁶ ИР НБУВ, ф. 152, ед. хр. 139, л. 1.

⁶⁷ ИР НБУВ, ф. 152, ед. хр. 152, л. 5–5об.

что в Киев его вызвал лично Михаил Грушевский, предложив работу в этом университете. Широцкий, как писал сам, долго колебался, но его уговорил Иван Стешенко – только Кость мог профессионально читать курс украинского искусства. В сентябре он подал программу курса и получил предложение купить книги для университетской библиотеки и занятий студентов. В Петроградском университете он оформил отпуск до начала занятий 1917–1918 учебного года⁶⁸. В начале октября 1917 г. Широцкий приехал в Киев. 13 октября он пошел к декану историко-филологического факультета проф. Г. Павлуцкому, чтобы узнать о расписании своих лекций, но услышал от него, что лектором факультета и его членом вообще не является, что курс украинского искусства читает сам Павлуцкий, что его вообще не ждали. Это буквально ошеломило Широцкого. В своем представлении в Совет он писал, что “протестує принципіально проти неправди, вчиненої наді мною”, ученый утверждал, что не имеет нужды в этом курсе, “бо на українстві як інші кар’єри робити не збирався, а тільки мав на увазі інтереси рідного університету: інтереси рідної культури та наукової правди, про котру збирався дбати у викладах совісно і повно”. Ожидая официального ответа от Совета, а не только одного Павлуцкого, Широцкий решительно указывал, что если сейчас его не примут, то и в весеннем семестре можно на него не рассчитывать – он возвратится в Петроградский университет⁶⁹.

Возможно, именно по этому вопросу у Широцкого был конфликт с Григорием Павлуцким, о котором идет речь в октябрьском 1917 г. письме Айналова: “Ума не приложу, почему Павлуцкий может иметь против Вас что-либо. Не найдете ли Вы полезным, чтобы я написал ему, прося его оказать Вам содействие и рекомендовать Вас его вниманию... Письмо мое, быть может, и послужит противоядием, если он что-либо имеет против Вас”. Может быть, оппонент был задет весьма критическим выступлением Широцкого по поводу планируемой Академии искусств?⁷⁰ По-видимому, Широцкого все же успокоили и уговорили. Вадим Модзалевский постарался привлечь его к составлению подробной инструкции об охране памятников искусства Черниговщины⁷¹. Другие напирали на его патриотизм (письмо подпоручика Рябоконея)⁷².

⁶⁸ НХМУ ДАФ, ф. 2, ед. хр. 1, л. 26.

⁶⁹ НХМУ ДАФ, ф. 2, ед. хр. 1, л. 5–5об.

⁷⁰ Широцкий К. Про Академію мистецтва // Вільна українська школа, 1917, № 23, с. 192–194.

⁷¹ НХМУ ДАФ, ф. 2, ед. хр. 1, л. 22–22об.

⁷² НХМУ ДАФ, ф. 2, ед. хр. 7, л. 1–2об.

Конечно же, Широцкий с его высокоразвитым национальным самосознанием сразу стал активным деятелем Украинской Центральной Рады: в департаменте искусств Генерального секретариата народного образования, в отделе охраны памятников старины (председатель Н.Ф. Беляшевский) он возглавил секцию охраны памятников истории искусства. Интересно, что Широцкий выступил против ликвидации царских памятников в Киеве из-за их художественной ценности.

В начале декабря 1917 г. для решения вопроса об охране памятников старины Широцкий командировался в Полтаву и Константиноград⁷³. Константин Витальевич оставался в отделе охраны памятников Главного управления искусств и национальной культуры и при Гетманате⁷⁴. В 1918 г., когда по благословению митрополита Антония (Храповицкого) был создан комитет по реставрации Софийского собора, Константин Витальевич вошел в него⁷⁵, так же как и в комитет по исследованию и реставрации церкви Богородицы Пирогощи на Подоле (этим конкретно занимался Михаил Бойчук, протекцию которому перед церковными властями сделал Широцкий⁷⁶). Его постоянно приглашали на разнообразные заседания для решения сложных вопросов: проектов государственных ценных бумаг (рисунок и оформление), составления списка культурных ценностей для реституции из России, решения вопроса о судьбе Киевской художественной школы, даже конкурса на оформление игральные карты⁷⁷. Однако болезнь уже тогда не давала ученому плодотворно работать: в январемарте 1918 г. он находился у родителей, страдая на суставной ревматизм⁷⁸. 28 января 1918 г. Широцкий писал В.Е. Козловской в Киев: «Я застряг на селі і ніяк звідси не виберуся, хоч приємностей тут сидіти немає ніяких. Навкруги Пугачовщина, людська ненависть, здичавіння ... перебуваю тут у якомусь чаду – в атмосфері вогню, грабунків і убивств... Я тут без книжок і без всякої роботи дуже знудився... У нас інтелігенції вже нема зовсім – всіх повиганяли й просто повикидали з сел. Терплять ще духовних осіб, бо треба вінчатися, родитися й вмирати, чого люде без церкви ще не навчились робити»⁷⁹. В середине-конце марта 1918 р. Широцкий неотвратимо собирался в Киев⁸⁰. Однако лишь в апреле 1918 г. ученый

⁷³ ИР НБУВ, ф. 152, ед. хр. 10, л. 1.

⁷⁴ ЦГАВОВУ, ф. 2201, оп. 2, ед. хр. 282, л. 58.

⁷⁵ Наше минуле, 1918, Кн. 2, с. 209.

⁷⁶ ЦГАВОВУ, ф. 2201, оп.1, ед. хр. 1201, л. 12.

⁷⁷ НХМУ ДАФ, ф. 2, ед. хр. 1, л. 35; ед. хр. 13, л. 1.

⁷⁸ Справка из Ладыжинской земской больницы // ИР НБУВ, ф. 152, ед. хр. 11, л. 1.

⁷⁹ ИР НБУВ, ф. 152, ед. хр. 71, л. 3–4.

⁸⁰ ИР НБУВ, ф. 152, ед. хр. 72, л. 5–6.

вернувся в Київ і сразу же окунувся в общественную деятельность. В частности, в конце апреля он в отделе пластических искусств под началом Ф. Эрнста деятельно обсуждал вопрос об организации Института истории искусства⁸¹. В это время он был назначен председателем секции охраны памятников старины и искусства и на время отсутствия Н.Ф. Беляшевского исполнял обязанности председателя отдела охраны памятников старины и искусства⁸².

Своим специальным заданием Широцкий считал охрану и презентацию памятников, связанных с Тарасом Шевченко⁸³. Одновременно (с октября 1917 г.) ученый поддерживал идею высшего народного образования (он все же стал преподавателем истории искусств в Украинском народном университете в Киеве⁸⁴). Его учитель Д. Айналов титуловал ученика “профессор”⁸⁵. В 1918 г. молодой ученый был избран экстраординарным профессором по кафедре истории украинского искусства Каменец-Подольского Государственного украинского университета. В связи с этим Надежда Суровцева писала ему: “Тратулюю Вас з призначенням до Кам'янецького університету, і безмежно Вам в тім заздрю – мусите бути страшно щасливі. Оскільки позволите, приїду колись послухати Ваших відчитів і подивитись, головне, як Ви виглядатимете”⁸⁶. Суровцева, в то время “легко влюбленная” в “пана професора”, по просьбе Широцкого представляла ему свое видение общей политической ситуации, которая так интересовала искусствоведа в его “глуши” (находился на лечении у родителей, Суровцева отмечала: “Вам же все одно нудно на селі, і мабуть не багато людей з таким захопленням і такою приємністю щиро Вам надокучатимуть”): “На мою думку все йде більш-менш добре. Національний союз (всі партії наших) зачинає порозуміватись з урядом, і під загрозою бурхливих хвиль повстань, він, гадаю, піде на далеко більші уступки, ніж можна було сподіватись. Громадянство ж, зі свого боку, нарешті кине опозицію, що не приносить жадної користі, і перейде

⁸¹ ИР НБУВ, ф. 152, ед. хр. 55, л. 2.

⁸² ИР НБУВ, ф. 152, ед. хр. 56, л. 3.

⁸³ *Широцкий К.* Нові матеріали для історії пробування Т. Шевченка в Петроградській академії художеств // ЗНТШ, т. 119–120, 1917; см.: Широцкий К.В. // Шевченківський словник, т. 2. К., 1977.

⁸⁴ *Завальнюк О.М.* К.В. Широцкий і університетське будівництво в Україні (1917–1919 рр.) // Поділля у контексті української історії. Вінниця, 2001, с. 161–164; *Середа А.* Вказ. праця, с. 130.

⁸⁵ *Гордієнко Д.* Вказ. праця, с. 86, прим. 96

⁸⁶ ИР НБУВ, ф. 152, ед. хр. 138, л. 1.

до творчої роботи, для котрої уряд мусить створити, і очевидно створить, сприяючи умови”⁸⁷.

Учитель звал Широцкого в Петроград для общих трудов в Союзе деятелей искусства и для продолжения преподавательской деятельности: “Приезжайте поскорее работать в Союз деятелей искусства вместе”⁸⁸. Ученик отвечал: “Как бывший комиссар Временного правительства в Галиции и на Буковине, я нахожусь в настоящее время в резерве военных чинов в Киеве; это дает мне возможность существовать здесь и заниматься своим делом... Я теперь не знаю ... с чем и для чего возвращаться в Петроград... Теперь Киев особенно нуждается в том, чтобы кто-либо своими маленькими силами оставался на страже его культурно-художественных интересов; здесь совершаются великие дела, и хотелось бы не только быть свидетелем происходящего, но и участником – сбывается то, что лелеялось целыми поколениями... Словом, оставаться в Киеве меня зовут долг”⁸⁹. Конечно, Широцкий не поехал в Петроград, тем более, что и сам Айналов революционные события пережил в Козельце. Дмитрий Власевич писал из Козельца в Киев Широцкому, беспокоясь о древних памятниках города. Из этого письма становится ясным, что Широцкий собирался выехать в Вену: произошел переворот, Гетманат был ниспровергнут Директорией УНР, руководство которой также в начале 1919 г. должно было выехать из Киева под напором большевистских войск и осесть в Каменце-Подольском. В это трудное время Широцкого постигла беда – он тяжело заболел (туберкулез кишечного тракта⁹⁰) и вынужден был сразу после торжественного открытия Каменец-Подольского университета уехать в деревню Белоусовку к родителям. При этом он все время мечтал о своем возвращении если не в Киев, то хотя бы для преподавательской деятельности в Каменец – об этом он постоянно писал своему другу Л. Белецкому, преподававшему в местном университете. В последнем, буквально предсмертном письме он сообщал, что дарит Каменец-Подольскому университету свою библиотеку и собрание памятников искусства⁹¹.

Огромный интерес для реконструкции двух последних лет жизни ученого представляют его письма к художнику и деятелю памятникоохранного дела Антону Середе, с которым Широцкий переписывался регулярно, и как свидетельствовал он сам, только Середя ему из всех

⁸⁷ ИР НБУВ, ф. 152, ед. хр. 138, л. 1об–2.

⁸⁸ Гордієнко Д. Вказ. праця, с. 87.

⁸⁹ СПб. РАН, ф. 737, оп. 2, ед. хр. 99, л. 2–3.

⁹⁰ Середя А. Вказ. праця, с. 230.

⁹¹ Білецький Л. Вказ. праця, с. 2.

киевских знакомых и отвечал, посему эта переписка весьма откровенна, наполнена эмоциями и глубокими переживаниями автора особенно в момент неотвратимого приближения смерти.

Уже в начале июня 1918 г. Широцкий сообщал, что тяжело болен, и собирался лето провести у родителей. Вместе с тем, он решил оставить Министерство в связи с несогласием с деятельностью Н.Ф. Беляшевского, но только после защиты перед ним своих сотрудников: “Біляшівський у мою відсутність почав розганяти моїх співробітників, це мене гризе й не дає права піти з міністерства негайно, не ставши в оборону звільнених ні за що, ні про що. Чудні діла у них діються “демократами” й з демократами! Дійсно що то якась брудне болото, а не міністерство”⁹². В Широцком боролись два начала: он и хотел, и не хотел в Киев. 12 июня ученый писал: “Нудьгую я тут страшенно і зовсім не поправляюся, а йду далі по старому шляху обезсилення”. Доктора рекомендовали ехати в Одессу, иначе начнется туберкулез. Размышляя над этим, Кость Витальевич пессимистически констатировал: “Бере страшний жаль: я жив надією дати нашому громадянству дещо з того, що я мав в своїх матеріалах, а тепер бачу, що мої надії можуть не справдитися, а тут якраз в сільському затишку і в глибокій зосередливості одноманітного життя священицької родини могла б дійсно виспіти якась хоча й би погана, але не зайва праця, котра і могла заспокоїти і переконати котрогось з невідающих, що творять, наших ворогів”. Он как бы подсознательно чувствовал приближение конца земной жизни. Лишь толика надежды и творческие планы поддерживали его силы. Тем не менее, Широцкий констатировал, что в Министерство не возвратится, “бо мене напевно Біляшівський звідте вижене”⁹³. Как это ни печально осознать, но в небольшой среде киевских интеллигентов все время происходили какие-то недоразумения, дразги, противостояние, что, естественно, очень мешали делу. На какой почве возникла неприязнь между уважаемым ученым и общественным деятелем Николаем Беляшевским и Константином Широцким – не ясно, но она именно и показывает всю неприглядность ситуации в среде деятелей и защитников искусства, каждый из которых сам по себе был в то время буквально на вес золота. Возможно, некий свет на эти отношения проливает указание на научную школу: “Нам “петербуржцям” дуже важко пристосовуватися до Київа... і з київським людом тяжко жити й працювати”. Однако Широцкий понимал, что разрываться с Киевом совсем нет смысла: это столица, притом “наша, своя”⁹⁴.

⁹² ЦГАМЛИУ, ф. 375, оп. 1, ед. хр. 298, л. 1–2.

⁹³ ЦГАМЛИУ, ф. 375, оп. 1, ед. хр. 298, л. 9–10об.

⁹⁴ ЦГАМЛИУ, ф. 375, оп. 1, ед. хр. 298, л. 22–23об.

Широцкий таки выехал в Одессу, но вынужден был вернуться с дороги: началась забастовка железнодорожников. Он занялся пчеловодством на пасеке отца, но не мог ничего есть – ни фруктов, ни меда, а также купаться. Кругом бурлила крестьянская жизнь. Ученый сокрушался, что село постепенно прибирают к рукам “австрияки”, а уездный староста ликвидировал собственной властью волостное управление. При этом крестьяне не протестуют, они все взвинчены, сказывается отсутствие культуры, образования и воспитания. “А ми, сидячи в столиці, уявляємо собі все в такому благонадійному стані...”, – констатировал ученый⁹⁵. Его тревожили и вести из Киева, обуревало желание немедленно двинуться на его “защиту”: “Свободу рідного краю як не класти найвище за все?”. Широцкий буквально задыхался в атмосфере сельской анархии и бескультурья, рвался в город, в среду интеллигенции, пытаясь одновременно ее просвещать в отношении неверного понимания и знания украинского села (писал статьи в “Раду” о “язвах села”), считая, что сам сделал большую ошибку, выехав на деревню и застряв там⁹⁶. В письме к П.И. Зайцеву ученый сетовал: “Нас тут пограбовано, терирозовано, знівечено, гадав спочити й відійти душею, а вийшло навпаки, ще й до Києва не добратися. Я опинився відрізаним від всього світу, стремлю, щоб як-небудь утекти з цієї юдолі страхів, і туди, де ще є хоч надія на щось краще, і не можу... Ми опинилися в повній атмосфері анархії”. Широцкий писал, что распространился “клич”, будто Центральная Рада дает землю, и под этим предлогом крестьяне разорили все состоятельные фольварки и хозяйства, грабят все, даже мебель, скот, реманент, срывают крыши, полы и разбирают сами здания, вырубают сады и спускают пруды. “Селяне озвіріли ... під проводом солдат-большевиків”, угрожали отцу-священнику, отобрали урожай и грозились отобрать имущество. Ученый особо опасался за свою библиотеку и собрание старины. “Деякий час ми тут не спали по ночам і готові були кулями зустріти розбишак”. Широцкий порывался в Киев даже пешком, но опасался, что по дороге может быть убит⁹⁷.

Осенью 1918 г., несмотря на свою болезнь, Константин Витальевич все же съездил на официальное открытие Государственного украинского университета в Каменце-Подольском. Эта акция ему очень понравилась, праздник был “хорошим и теплым”, Широцкий познакомился с профессурой, главным образом из галичан (как он сообщал

⁹⁵ ЦГАМЛИУ, ф. 375, оп. 1, ед. хр. 298, л. 17–19.

⁹⁶ ЦГАМЛИУ, ф. 375, оп. 1, ед. хр. 298, л. 28–29об.

⁹⁷ ИР НБУВ, ф. 152, ед. хр. 69, л. 1–2об.

в письме от 26 октября) и получил приглашение создать кабинет искусств, посему планировал перебраться в город после Рождества, тем временем ученый собирался посетить Киев⁹⁸. Но ему пришлось остаться в Белосовке из-за слабого здоровья. Деревня его удручала своими настроениями, ужасным нравственным состоянием крестьян и пр. Широцкий писал (10 ноября 1918): “У нас тепер всяка політика згубила кредит, окрім тої, що ведуть московські монархісти. Про Україну навіть не думайте говорити. Селяни сподіваються мати хліб, добрі гроші і лад лише від руського царя. Наші діячі всі поховалися або сидять по тюрмах, і селяни – подумайте собі – тому радіють, мовляв, так і треба, нащо революцію робили або нащо йшли проти більшовиків: якби не українці, то не було б панів і поліції, а була б свобода, Росія ще свого покаже! В такій атмосфері я тепер жию, і самі можете уявити собі як себе почуваю: лиш книжка та розмова на якусь культурну тему може розв’язати той жах, що кругом нас тут обгортає, в зв’язку ще з безперестанними грабунками, вбивствами, погрозами. Словом, на селі зле, хочеться вже до Києва... Коли б вже справді нові времена приходили!”⁹⁹. Он все время сидел дома, вынужденно пребывал на жесткой диете, а кроме того, не имел теплых вещей и обуви – все осталось в Киеве, куда добраться по бездорожью и прекращению железнодорожного сообщения было невозможно. А 24 января 1919 г. ученый сообщал своему корреспонденту весьма неутешительные новости о себе: “діялося зо мною дуже зле – я мало не вмер, а тепер такий безсилий після півторатижневого лежання, що робити прямо таки нічого не можу; проте сили потрошку прибувають і я сяду знов за працю. Жиєш – то працой, дарма що про тебе забули всі і нікому ти не потрібний. Я ж, їй Богу, не для себе жию, особистого життя я не мав зовсім і не знаю. Часом оглядаюся навкруги і нічого втішного для себе не бачу. Заїдає хвороба та гірке окруження”¹⁰⁰. Кроме того, очень пугала местная публика: из армии возвращались дезертиры и “пройдывситы”, и эта “наволочь” стреляла людей ни за что, крестьяне стали грубой “чернью” – «чи як її звать тепер помилково “народ”», все подряд – “злодеи и воры”. Более того, в соседнем селе сами крестьяне закрыли украинскую школу и изгнали учителя, начались еврейские погромы.

Широцкий не мог дожидаться весны, когда все крестьяне займутся работой и “придут в себя”. Он также провел некий эксперимент: закупил

⁹⁸ ЦГАМЛИУ, ф. 375, оп. 1, ед. хр. 298, л. 3–4об.

⁹⁹ ЦГАМЛИУ, ф. 375, оп. 1, ед. хр. 298, л. 5–6об.

¹⁰⁰ ЦГАМЛИУ, ф. 375, оп. 1, ед. хр. 298, л. 13–13об.

шерсть, ее тонко спряли, сделали ткань, из которой сшили одежду – это должно было доказать местному Земству, что “таким чином можна було б одягнути всю Україну, не заглядаючи в зуби Москві чи кому там”¹⁰¹. Широцкий развивал идею о возрождении народных промыслов, однако для этого не было мастеров-учителей и доброй воли местных верховодов.

19 июля 1919 г. Широцкий писал, что его самочувствие не стало лучше, силы уходят, и вся борьба за жизнь и здоровье не приносит результатов. “Були б крила – зірвав би ся, десь полетів, хоч би дивився на працю інших”, – надрывно чуть ли не выкрикивал ученый. Тем не менее, он планировал собрать все оставшиеся силы и съездить в Каменец и Киев. Предчувствие неминуемого заставило Широцкого принять решение о передаче своего собрания Каменец-Подольскому университету¹⁰².

В деревне Широцкому ничего не оставалось, как пытаться работать. В частности, он сообщал А. Середе (10 ноября 1918 г.), что собирается издавать свой путеводитель по Киеву в переводе на украинский язык, но не имел ни желания, ни возможности самостоятельно заниматься переводом¹⁰³. Через неделю ученый сообщал, что работает не менее восьми часов в день. Он редактировал и рукопись “Истории украинского искусства”, а затем планировал засесть за “начерки по історії нашої культури; маю до них інтересний і досить багатий матеріал”. Тем не менее, спокойно работать Широцкий не мог из-за общего нервного состояния общества: “... тут якось в атмосфері розбою боїся за кожен день, за кожну годину... дуже невесело й небезпечно тепер на селі жиється – ніби й не жиєш”¹⁰⁴. Время шло, Широцкий все болел, хотя и продолжал работать над рукописями. В частности, он готовил работу “про поліхромію поганських часів на Україні для УНТ”¹⁰⁵. 24 января 1919 г. он предлагал Середе для издания свой Словарь терминов (“Словник термінів з малярства, будівництва, артистичних промислів і ін.”), который ранее предназначался для издательства “Час”) и “Начерк з історії декоративного мистецтва”, а также на выбор какую либо из брошюр на темы: “Друкарство, ткацтво и шитво, гончарство й скло, металеві вироби, різьбярство (сніцарство), сучасне народне мистецтво”. Широцкому крайне нужны были деньги, и он готов был через силу все же подготовить пару изданий. Ученый был возмущен, что издательство “Друкаръ” “заробляє собі на моїх матеріалах

¹⁰¹ ЦГАМЛИУ, ф. 375, оп. 1, ед. хр. 298, л. 13об–14.

¹⁰² ЦГАМЛИУ, ф. 375, оп. 1, ед. хр. 298, л. 15–16.

¹⁰³ ЦГАМЛИУ, ф. 375, оп. 1, ед. хр. 298, л. 5.

¹⁰⁴ ЦГАМЛИУ, ф. 375, оп. 1, ед. хр. 298, л. 7–8об.

¹⁰⁵ ЦГАМЛИУ, ф. 375, оп. 1, ед. хр. 298, л. 20–21.

(ще й брешуть, що я їх редагував – а просто взяли малюнки з Історії й продають) та на писаннях, а я тут, якби не у батьків жив, то певно б вже з голоду пропав”. Речь шла об издании 144 открыток из предоставленных им иллюстраций к “Истории украинского искусства”¹⁰⁶. Учений просил А. Середу: “Нагадайте в “Друкарі”, що я ще живий. Вони вперто не хочуть відповідати на мої листи, й я до них більше писати не буду”¹⁰⁷. Прошло некоторое время, и Широцкий 19 июля 1919 г. вновь спрашивал о “Друкаре”, сообщая: “я продав їм “Історію українського мистецтва” і дуже велику потребу маю якось цю справу розв’язати, бо сижу без грошей і прямо таки бідую ще від Нового року”¹⁰⁸. Он констатировал, что очень болен, но ... “мені про себе байдуже, аби Україна жила й цвіла”¹⁰⁹.

Конечно, главным трудом ученого была его “История украинского искусства”, редактирование которой непрестанно продолжалось, хотя автор и не был уверен, что она увидит свет (“колись то вона вийде?”)¹¹⁰. Отвечая А. Середу именно по поводу возможного издания этого труда в “Друкаре”, Широцкий писал, что рукопись пока у него, а не в издательстве. И тут всплыл “конкурент” – Щербаковский, который также начал издание очерков под общим названием “История украинского искусства”. Широцкий не мог не прокомментировать этот факт: “Це якась слабість Щербаківських – все їм відоме тільки самим і першим публікувати, навіть нікому не сказавши про те, зате у других все випитавши про їхні пляни. А дещо й перехопивши з того, що у других є. Єзуїтизму цього не люблю й не визнаю”¹¹¹. Заметим, что главный, в понимании автора, его труд “История украинского искусства” так никогда и не был опубликован, хотя уже после его смерти в “Друкаре” шла речь об издании рукописи: дискуссия об этом происходила в октябре-ноябре 1919 г., когда решалось дело об издании “Истории” и сборника памяти Широцкого¹¹². Однако даже в 1924 г., когда М. Грушевский и С. Ефремов публиковали некрологи “Заслуженных для украинской науки и украиноведения деятелей, умерших в 1918–1923 гг.”, они также отмечали, что большой двухтомный труд Широцкого “История украинского искусства” так и остается неопубликованным¹¹³.

¹⁰⁶ ЦГАМЛИУ, ф. 375, оп. 1, ед. хр. 298, л. 13–13об.

¹⁰⁷ ЦГАМЛИУ, ф. 375, оп. 1, ед. хр. 298, л. 13об.

¹⁰⁸ ЦГАМЛИУ, ф. 375, оп. 1, ед. хр. 298, л. 15об.

¹⁰⁹ ЦГАМЛИУ, ф. 375, оп. 1, ед. хр. 298, л. 20–21.

¹¹⁰ ЦГАМЛИУ, ф. 375, оп. 1, ед. хр. 298, л. 22–23 об.

¹¹¹ ЦГАМЛИУ, ф. 375, оп. 1, ед. хр. 298, л. 26–27 об.

¹¹² ИР НБУВ, ф. 251, ед. хр. 5, л. 3.

¹¹³ *Грушевський М., Єфремов С.* Заслужені для української науки і українознавства діячі, що померли в рр. 1918–1923 // Україна, 1924, кн. 3, с. 190.

В период пребывания в вынужденной “ссылке” в деревне патриотические мотивы особо остро проявились в трудах Широцкого, о чем свидетельствует его брошюра о Колиивщине (восстании 1768 г. во главе с Иваном Гонтой и Максимом Зализняком), написанная в духе народнической традиции с многочисленными негативными эпитетами в отношении “гнобителей украинского народа” и воспеванием его самоотверженной борьбы за независимость – автор не смущался многочисленными натяжками в изложении общей исторической обстановки, публицистическими клише и отсутствием серьезной работы с источниками, не говоря уже об аналитической составной¹¹⁴. Выход этой брошюры, по-видимому, должен был аккумулировать патриотические чувства у читателей в момент нового обострения борьбы за независимость Украины, но это все же не оправдывало значительной препарации фактов и сведений источников. Впрочем, в то время такая метода была не исключением в творчестве Широцкого. Например, он не только постулировал, что древнерусское, в частности киевское искусство X–XII вв. не является проявлением византийских стандартов, а есть ярким примером адаптации и художественной переработки с учетом местных особенностей, но также постулировал, что оно “глубоко народное” и имеет влияние как Востока, так и Запада. В частности, Десятинная церковь сравнивалась с храмами Кавказа и Малой Азии, а в отношении Софии Киевской ученый отрицал влияние Софии Константинопольской, постулируя большое уподобления храмам Сирии, Армении, Малой Азии, Трира и Вормса, хотя прямого аналога не находил нигде, представляя собор как “самостійну пам’ятку світової умілости, що стоїть на своєрідному ґрунті”¹¹⁵. Ученый также настаивал на том, что после монгольского нашествия искусство в украинских землях стало ориентироваться на западные образцы (у византийцев преобладали мозаики, а в Украине – фрески, как в Италии), тогда как в северорусских – консервировалась именно византийская старая основа; с этого времени в Украине преобладает “культура західно-європейського типу”, которая “перейшла до наших часів”¹¹⁶. Идея о самобытности и самостоятельности украинской

¹¹⁴ Широцький К. Коліївщина (Гайдамаччина в 1768 році). К., 1918. См. авторскую рукопись: ИР НБУВ, ф. 251, ед. хр. 49, л. 1–68 и рецензию В. Данилевича (Наше минуле, 1918, ч. 3, с. 168–169).

¹¹⁵ Широцький К. Старовинне мистецтво на Україні // Хрестоматія по історії української літератури / Упор. О. Дорошкевич, О. Білецький. К., 1918, т. 1, кн.1, с. 9.

¹¹⁶ Широцький К. Старовинне мистецтво на Україні..., с. 65–85; Широцький К. Українська штука за часів старокнязівських та її виучення // Наше минуле, 1918, ч. 1, с. 85–97; Широцький К. Хто був автором плану Києва 1638 р. // Записки історичної і філологічної

художественной культуры, ее “соразмерности” лучшим мировым стандартам (например, Збручский идол приравнялся к древнегреческим изваяниям¹¹⁷) стала для Широцкого альфой и омегой творчества¹¹⁸. В жертву этой идее приносился академизм и научная школа. Пытаясь объяснить этот факт, который невозможно “завязать” лишь на патриотическом чувстве, мы обрели объяснение в записках Е. Сицинского, который писал, что в работах Широцкого видна “конспективність, якась сквапливість, поспішність”, “праці ескізні, ніби конспекти, особливо в загальних оглядах українського мистецтва”¹¹⁹. Да, так и есть: труды Широцкого 1918 г., написанные в Белоусовке без специальной литературы, авторских заготовок и выписок, по памяти и в болезненном состоянии очень эскизные, его идеи представлены в слишком конспективном, а посему неубедительном виде, упрощенно. Но при этом автор позволял себе постулировать весьма странные положения, что отметил Федор Вовк: Широцкий “часами робить засміливі гіпотези та висновки”¹²⁰.

Его “лебединой песней”, как уже указывалось, стала работа над трехтомником “Истории украинского искусства”, который не был завершен, и тем более – не издан. Заказавшее труд издательство “Друкаръ” выпустило лишь часть иллюстраций к исследованию в виде открыток (144 в 13 сериях). В опубликованной библиографии трудов (в том числе рукописных) Широцкого указывалось, что первый том был передан в редакцию “Друкаря”, второй – остался в Белоусовке. В частности А. Серета свидетельствовал, что у родителей ученого сохранилась рукопись части второй 1-го тома (с. 219–382 рукописи), а также части 3–4 второго тома (381+80 с.), примечания и иллюстрации ко всем частям, черновые материалы¹²¹. В контексте большого труда Широцкий готовил отдельные работы по истории украинского искусства: “Искусство в Галиции”, “Искусство Буковины”, “Искусство юго-западной России”, “История изучения староукраинского искусства”, “История украинского портрета”, “Спас

секції УНТ в Києві, 1918, кн. 17, с. 98–102; *Широцький К.* Церковний обряд на Україні. К., 1918; *Широцький К.* Церковні стародруки // Книгарь, 1918, ч. 14, с. 809–814; *Широцький К.* Наше стародавнє інтролігаторство // Книгарь, 1919, ч. 17, с. 1031–1034; *Широцький К.* Продажа книжок у давньому Києві // Книгарь, 1919, ч. 18, с. 1097–1102.

¹¹⁷ *Широцький К.* Старовинне мистецтво на Україні..., с. 9.

¹¹⁸ *Удріс І.* Концепція української мистецької класики Костянтина Широцького // КС, 1994, № 4.

¹¹⁹ *Сіцінський С.* Праці К.В. Широцького по історії українського мистецтва // Іваневич Л., Трембійський А. Вказ. праця, с. 26.

¹²⁰ *Січинський В.* Вказ. праця, с. 28.

¹²¹ *Биковський Л.* Бібліографія праць К.В. Широцького // Збірник секції мистецтв Українського наукового товариства. К., 1921, с. 143–144.

на Берестове”, “Троицкая церковь на святых вратах Киево-Печерской Лавры”, “Кто был автором плана из Тератургимы А. Кальнофойского”, “Киев или Новгород”, “Историческое развитие образа Саломеи в искусстве”¹²². В издательстве “Друкарь” народный учитель Марко Збис перевел на украинский пять частей путеводителя по Киеву Широцкого (372 с.), но рукопись перевода не сохранилась. Среди рукописей ученого сохранилась и книга о Софии Киевской¹²³. Л. Быковский привел информацию, что возле умирающего ученого находился А. Серeda, который и озабочен сохранностью архива Широцкого¹²⁴.

Смерть резко оборвала все планы, проекты и начатые новые труды Константина Витальевича. Он умер после продолжительной болезни 13 сентября 1919 г. от туберкулеза. “Любимым сыном Украины, именитым ученым и восхищенным исследователем старины нашего роскошного Родного края” назвал Широцкого глава Директории Украинской Народной Республики, лично знакомый с ученым, Симон Петлюра. Высокую патриотическую планку и чувство ученого и социалиста-федералиста по партийной принадлежности (сначала был членом Товариства

¹²² *Биковський Л.* Вказ. праця, с. 143–144. Подробнее о жизни и творчестве К.В. Широцкого см.: *Зайцев П. К.* Широцький // Книгарь, 1919, ч. 25–26; *Серeda А.* Вказ. праця; *Ковпаненко Н.Г.* К.В. Широцький: сторінки життя // Історія України. Маловідомі імена, події, факти. К., 1999, вип. 6, с. 335–340; *Ковпаненко Н.Г.* Широцький (Шероцький) Костянтин Віталійович // Видатні діячі науки і культури Києва в історико-краєзнавчому русі України. Біографічний довідник. Ч. 2. К., 2005, с. 294–299; *Ханко В.* Кость Широцький // Образотворче мистецтво, 2005, № 1, с. 90.

¹²³ Аннотация: краткая история от основания до 19 века (л. 1–9); архитектура: сравнение архитектуры с византийским, романским, грузинским, армянским искусством, подчеркивание слабости аналогии с Софией Константинопольской (л. 9–36); стенопись и украшения интерьера: мозаики, фрески, плохая реставрация 1848–1854 гг., описание сцен охоты в башнях – “звериный стиль”, любовь князей к охоте (л. 38–96); резьба: карнизы, гробница Ярослава (л. 99–107); престол, иконостас, царские врата, чудотворные иконы, зарисовка Страшного Суда в 18 в. (л. 108–123); ризница: кипарисовый крест митр. Макария, кресты Феодосия и Иосифа Тукальского, панагии, в том числе Гедеона Балабана 1580 г., наперестольные Евангелия, ризы (Гедеона Четвертинского, Рафаила Заборовского), саккос Иоасафа Кроковского, грузинский (сирийский) омофор, орлецы патриарха Никона (л. 123–125); библиотека (л. 125–126); другие строения Софийского подворья, некрополь (л. 126–130); задачи изучения Софийского собора: “Треба рішуче відкинути питання про реставрацію собору в первісному стані: прибудови пізнішої пори не повинно рахувати недостойними давньої святині. Їм достоїнства надала наша пізніша давнина, така сама дорога для нас як і пора старокнязівська” (л. 131). НХМУ ДАФ, ф. 2, № 28. Широцький “Св. Софія у Київі”. Ср. статью К. Широцкого “Про публікацію Солнцева “Київський Софійський собор” в “Древностях Российского государства г. 1871–1887” // Україна, 1917, кн. 1–2, с. 128–132.

¹²⁴ *Биковський Л.* Вказ. праця, с. 143.

українських поступовцев)¹²⁵ підкреснув і глава правительства Ісаак Мазепа¹²⁶. А Леонід Белецький торжественно назвав його “великим громадянським Української народної республіки”¹²⁷. Все ці характеристики цілком відповідали дійсності. В них не хватало лише характеристики рівня професіоналізму і відповідності школі класика. Отчасти це виконав в некролозі Павел Зайцев, указав основні твори Широцького по історії мистецтва, підкреснув релігійність і високе естетичне чуття ученого з юності, похвалив (з деякою критикою) його путівник по Києву, в якому присутній “душа” міста і “широкий культурно-історичний фон”, показавши значення української столиці з князівських і козацьких часів. Особливо підкреснув Зайцев значення неопублікованих робіт ученого: “Київ або Новгород” (про вплив київського мистецтва на новгородське) і дві частини “Історії українського мистецтва”, видання якої “було б найкращим пам'ятником покійному”¹²⁸. Крім того, в цьому некролозі також переважили заслуги Широцького перед українським рухом і мало говорилося про його професійний рівень. Напевно, щось в цьому сенсі написав Г.К. Лукомський, оскільки сам займався історією мистецтва, але його публікація залишилася для нас недоступною¹²⁹.

1. *Д. Айналов – К. Широцькому, Санкт-Петербург – Санкт-Петербург, 29 вересня 1911 г.*¹³⁰

Прослушавшому повний курс наук історико-філологічного факультета Константину Віталєвичу Широцькому дозволяється відвідування Музею старожитностей для занять.

Заведуючий музеєм ординарний професор *Д. Айналов*¹³¹.
СПб. 1911 г., 29 вересня.

НХМУ ДАФ, ф. 2, оп. 1, од. хр. 2, л. 1, автограф.

¹²⁵ Некролог-соболезнування по приводу смерті свого члена К.В. Широцького помістив в пресі Каменець-Подільський комітет партії соціалістів-федералістів: Україна: щоденна газета, 1919, № 29, 16 вересня, с. 1.

¹²⁶ *Завальнюк О.М.* Вказ. праця, с. 164; *Гордієнко Д.* Вказ. праця, с. 86.

¹²⁷ *Білецький Л.* Вказ. праця, с. 2.

¹²⁸ *Зайцев П. К.В.* Широцький: некролог // Книгарь, 1919, ч. 25–26, с. 1783–1785.

¹²⁹ *Лукомський Г.* Венки на могилу п'яти діячів мистецтва. Берлін, 1921, 32 с.

¹³⁰ Штамп Музею старожитностей Санкт-Петербурзького університету. Текст виконаний іншим почерком, Д. Айналов лише підписав його, виконавши запис обов'язків і підпис.

¹³¹ Підпис Д. Айналова.

2. Д. Айналов – Е. Придику, Петроград – Петроград, 5 марта 1915 г.

Петроград

1915 г., 5 марта

Многоуважаемый Евгений Мартынович¹³².

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой позволить оставленному при университете Константину Виталиевичу Шероцкому воспользоваться некоторыми изданиями Вашей библиотеки для его работы.

Пользуясь случаем, приношу Вам и О.Ф. Вальдгауэру¹³³ свою благодарность за отличные фотографии.

С истинным уважением и преданностью остаюсь

Д. Айналов.

НХМУ ДАФ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2, л. 1, автограф.

3. Д. Айналов – К. Широцкому, Санкт-Петербург – Санкт-Петербург, 1913–1914 г.¹³⁴

№ 1. В архитектуре резьба была очень развита: ср. Николай Макаренко. Памятники украинского искусства // Зодчий. 1908 г. и деревянные “князи” в доме св. Феодосия Черниговского и в Черниговской музее. Резная прекрасная балка ... Ставни окон, лудки окон и дверей резные¹³⁵.

¹³² Придик, Евгений Мартынович (19.08.1865–1935) – выпускник историко-филологического факультета Дерптского университета со степенью кандидата древнеклассической филологии, обучался в Берлинском университете, магистр древнеклассической филологии (1893), изучал памятники античной Греции и Италии, принимал участие в раскопках германского археологического института; с 1898 г. – в императорском Эрмитаже: ассистент старшего хранителя Отделения монет (1898), хранитель Отделения монет (1899); старший хранитель Отделения древностей (1904–1918), хранитель Отделения классической нумизматики (1919–1930); профессор Петроградского университета (1899–1924). См.: Сотрудники императорского Эрмитажа. 1852–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2004, с. 118–120.

¹³³ Вальдгауэр, Оскар Фердинандович (02.03.1883–14.01.1935) – выпускник Мюнхенского университета со степенью доктора философии (диссертация о портретах Александра Македонского), с 1904 г. и до последних дней – сотрудник императорского Эрмитажа: хранитель (1913–1918) и заведующий (1918–1926) Отделения древностей, член Совета Эрмитажа (1917–1926), заместитель директора (1926–1929), и.о. директора (1927–1928) и зав. отделом античного общества (1929–1935) Государственного Эрмитажа. См.: Сотрудники императорского Эрмитажа. 1852–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2004, с. 30–31.

¹³⁴ Публикатор посчитал нецелесообразным давать комментарии к множеству сюжетов, приведенных в замечаниях, с целью сокращения текста, а также в связи с тем, что Широцкий учел замечания и предложения в книге “Очерки по истории декоративного искусства Украины. Художественное убранство украинского дома в прошлом и настоящем”. (К., 1914).

¹³⁵ К. Широцкий развил эту идею в тексте, говоря о резных украшениях архитектурных форм, в частности резных капителях колонн в Чернигове и дав ссылку на печатный курс лекций по русскому искусству Д.В. Айналова: *Шероцкий К. Очерки по истории...*, с. 3, прим. 4.

№ 2. Необходимо привести эти надписи в Вашем тексте¹³⁶.

№ 3. Из Павла Алеппского необходимы выписки. Из сообщений Павла Алеппского Вы увидите, должны увидеть влияние Польши и Запада. Важно, чтобы не остаться без руководящих предметов, всегда датировать памятники¹³⁷.

№ 4. Почему? Есть и теперь сохранились более древние строения¹³⁸.

№ 5. Также в музеях: Тарновского в Чернигове, и в Черниговском городском музее; в Полтаве, у Эварницкого¹³⁹.

№ 6 и 13. Кто такой Есхарий? Его надо искать в сонме аллегорий¹⁴⁰.

№ 7. Эти длинноты надо сократить, оставить общий их смысл и искать объяснений аллегорической живописи в истории искусства XVI–XVII веков¹⁴¹. См. дальше.

№ 8. О журавле с камнем хорошо, но надо искать первоисточник в изображениях¹⁴².

№ 9. Так можно обратить внимание на “Триумф смерти” в “Campo Santa” в Пизе и на песнопение Космы Маюмского в связи с Афонскими

---

¹³⁶ По-видимому, речь идет о надписях под картинами с изображением запорожцев, приведенных П. Кулишом. К. Широцкий также целиком приводит эти надписи в примечаниях: *Широцкий К. Очерки по истории...*, с. 22–24.

¹³⁷ О Павле Алеппском и интерпретации его сообщений в тексте Широцкого (ему “езде бросались в глаза черты западной жизни и искусства”) см.: *Широцкий К. Очерки по истории...*, с. 15, 18.

¹³⁸ К. Широцкий писал о “величественных зданиях” местечек и сел “по историческим актам” XVII–XVIII вв. См.: *Широцкий К. Очерки по истории...*, с. 16.

¹³⁹ По-видимому, речь идет о казацких портретах в интерьерах домов и изображениях на кафельных плитах. См.: *Широцкий К. Очерки по истории...*, с. 17.

¹⁴⁰ К. Широцкий приводит опис сюжетта “ложная живота надежда” с изображением мужчины в красной тоге и с оголенной лысой головой, на которую орел с высоты сбрасывает черепаху – она должна убить человека; в стихе под картиной он назван Есхарием. Автор сначала объяснил аллгорию рисунка: “Жизнь человека такова, что ни случай, ни смерть с ним не церемонится”, “Непрочность нашей жизни”. Само имя Есхарий он выводил из греческого слова “сильный” и сопоставил с рассказом Плиния о поэте Эсхиле, которого живописец неверно транскрибировал как Эсхарий или Эсхилий; жизнь Эсхила оборвалась именно так, как изображено на рисунке с орлом и черепахой. См.: *Широцкий К. Очерки по истории...*, с. 48–49, 51, 69–70.

¹⁴¹ Об аллегорической живописи и дискуссии по этому поводу см.: *Широцкий К. Очерки по истории...*, с. 28–32, 44–50.

¹⁴² К. Широцкий описывал изображение на дверях дома священника в Луке Мелешковской Подольской губернии: трое журавлей, крайние спят, а средний сторожит, держа в приподнятой лапе камень. Автор не смог найти “корней” этого символа. См.: *Широцкий К. Очерки по истории...*, с. 49–51, 82–84.

росписями (Кондаков. Путешествие на Афон) и J. Strzigowsky. Die Serbischen Psalter illustrationes. Также “Триумфы” Сиенской пинакотекы¹⁴³.

№ 10. О мудрецах в росписях см. также гр. А.С. Уварова. Христианская символика, стр. 17 и другие¹⁴⁴.

№ 11. Это очень верное наблюдение. Bravo!¹⁴⁵

№ 12. Это сближение надо указать. Едва ли оно верно. Не амурсы ли это, так часто несущие венки и держащие их над головами. Поищите в XVII–XVIII веках в светской живописи¹⁴⁶.

№ 14. Особенно сравните роспись капеллы “Spagnoli” во Флоренции XIV века¹⁴⁷.

№ 15. Это “мысленное древо” Слова о полку Игореве, а ранее “древо науки” Иоанна Златоустого¹⁴⁸.

№ 16. Какое это место?

№ 17. Значительно раньше. Беато-Анжелико¹⁴⁹. Встречается обыкновенно в Распятиях XIV и позднее веков. Ср. Venturi. Storia dell’Arte Italiana.

№ 18. Это не могли быть картинки “скабрезного” содержания. Надо различать порнографию от принятых западом свободных форм человеческой природы, которые могли казаться соблазнительными на Руси. И на западе восставали против этой свободы (Савонарола), но трезвый

¹⁴³ К. Широцкий сполна реализовал это указание, приведя более точные сведения из литературы (Кондаков Н.П. Памятники христианского искусства на Афоне..., с. 38; Die Miniaturen des Serbischen Psalters des Bibliotheken in Munchen / Strzigowski mit einleitung Jagic. Wien, 1906): *Широцкий К. Очерки по истории...*, с. 54.

¹⁴⁴ О мудрецах в росписях К. Широцкий писал подробно: *Широцкий К. Очерки по истории...*, с. 54–55.

¹⁴⁵ Возможно, речь идет о сюжете “суета сует” с изображением человека, выдувающего мыльные пузыри. См.: *Широцкий К. Очерки по истории...*, с. 71–72.

¹⁴⁶ Об амурсах К. Широцкий действительно написал, излагая сюжет о двух отроках, венчающих друг друга – как тему евангельской любви к ближнему: “Наша композиция скорее всего представляет собою известных в ренессансе, особенно в позднейших его стилях барокко и рококо, путтов или амуров, так часто обнимающих друг друга, несущих гирлянды цветов и венки...”. См.: *Широцкий К. Очерки по истории...*, с. 72–74.

¹⁴⁷ Речь шла о символическом изображении ордена доминиканцев: в капелле Spagnoli в картине Оркани “Триумф Доминика” изображены собаки, бросающиеся на ложных пророков. К. Широцкий использовал этот сюжет: *Широцкий К. Очерки по истории...*, с. 62.

¹⁴⁸ Речь идет о сюжете “доброй науки” в виде древа – “мысленного древа” “Слова о полку Игореве” и “Древа науки” Иоанна Златоуста. Эти примеры К. Широцкий ввел в текст: *Широцкий К. Очерки по истории...*, с. 81.

¹⁴⁹ Речь идет о сюжете “благого молчания”. Беато Анджелико изобразил св. мученика Петра, который молчит с приложенным пальцем к губам. См.: *Широцкий К. Очерки по истории...*, с. 69.

ум последующего поколения оправдал эту свободу, приняв ее без крайностей, как “божественную красоту” (Рафаэль, Микеланджело)¹⁵⁰.

Ваша работа представляет значительный интерес. Однако, ее надо освободить от общих мест, от длинностей и во многих случаях сделать новые разыскания. У Вас есть свежий, отличный материал – его надо систематизировать иначе, чем это сделано, и отбросить ненужное. С удовольствием читал все разыскания, касающиеся отдельных сюжетов, но Вы можете сделать эту часть еще лучше. Надо приникнуть к источнику всеобщей европейской истории искусств и в нем ожить. Ваша тема очень разрослась, но это ее достоинство, т. к. Вы на всем пространстве ее старались ее сделать научной работой. Теперь можете взяться за отделку периодов. Советую начать с данных древнейшего периода еще языческого. Постановку вопроса о влияниях на древнюю Русь найдете у акад. Кондакова “Русские клады”. Указание на живопись палат и повалуши встретите у Забелина (Русское искусство) и в моей статье “Летопись о начальной поре русского искусства”. О состоянии Киева в XIV веке читайте Антоновича “Очерки юго-западной России” и, если можете, проверьте и дополните выписками по архивных данных об искусстве, которые он указывает. Это – крайне важная для Вас работа. По части быта, а затем бытовой обстановки, отложившейся в русской живописи, найдете в моих же статьях:

1) Два примечания к тексту Даниила Заточника // Известия Академии наук. 2 отд. 1908 г.¹⁵¹

2) Миниатюры Радзивилловской летописи¹⁵².

3) Примечания к тексту Антония Новгородского // Журнал м. н. проsv. за¹⁵³.

Справляйтесь у Даля, Срезневского, Савваитова относительно частных старинного быта, а затем тащите за бока и меня, что буду знать, скажу. Для этого периода рекомендую: Glossarium Дю-Канна, Lexicon Sophokles’a.

Относительно сомнительных изображений древностей надо обращаться к этим словарям, а затем к Физиологам. Целую отличную работу,

---

¹⁵⁰ К. Широцкий развил свое описание “галантных сцен” с “разнузданными нравами”. См.: *Широцкий К.* Очерки по истории..., с. 110–111.

¹⁵¹ *Айналов Д.В.* Очерки и заметки по истории древнерусского искусства: 1. Два примечания к Слову Даниила Заточника // ИОРЯС, 1908, т. XIII, кн. 1, с. 352–365.

¹⁵² *Айналов Д.В.* Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. 3: О некоторых сериях миниатюр Радзивилловской летописи // ИОРЯС, 1908, т. XIII, кн. 2, с. 290–323.

¹⁵³ Год не указан. *Айналов Д.В.* Примечания к тексту книги “Паломник” Антония Новгородского // ЖМНП, 1908, XVIII, отд. 2, с. 81–107.

как видно, можно было бы сделать, взявши Физиолог и Бестиарий в сочинениях Голятовского и других и сопоставив со средневековым и более поздним Физиологом запада. Но это только экскурс для помощи общей теме¹⁵⁴.

Вам надо кроме того читать западную литературу о символических сюжетах XIV–XVII веков. Для начала ознакомьтесь хотя бы вкратце с пизанским “Campo-Santo”, с росписями капеллы Spagnoli. Возьмите Вермана и вычитайте из него для себя литературу. Здесь встретите и философов, и символы, и разные добродетели и пороки. В Сиене изучите роспись Amagoggio Zorezetti и циклы, связанные с нею. В будущем году я буду подробно читать обо всем этом, а Вы займитесь этим и у Вас будет настоящая историко-художественная почва.

Знаете ли Вы атлас выставки Харьковского съезда, изданный Е.К. Рединым¹⁵⁵?

Для кафелей надо порыться в новых журналах как то: Мир искусства, Художественные сокровища России и особенно смотреть атлас Суслова “Русское зодчество”, где изданы некоторые кафельные печи¹⁵⁶. У меня есть в материалах дома тоже кое что по этому роду искусства.

Найдите время со мною переговорить подробно.

Весьма удовлетворительно.

Д. Айналов.

НХМУ ДАФ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2, л. 1–3об., автограф.

4. Д. Айналов – К. Широцкому, Козелец – Киев, 25 октября 1917 г.

Козелец. 25 окт[ября] 1917 г. Николаевская ул., свой дом.

Дорогой Константин Виталиевич!

Только что получил Ваше письмо. Крайне благодарен за указание относительно моих прав на мой кабинет, столовую и спальню. Я не знал моих прав, и потому очень беспокоился на счет постоя войск.

Не знаю, успею ли я Вас застать своим письмом в Киеве до 28, но все же обращаюсь к Вам еще с одной большой просьбой. Гуляя по Крещатику (если только я не обижаю Вас этим выражением), будьте

¹⁵⁴ Все эти общие замечания Д. Айналова, особенно в отношении литературы и перекомпоновок (но не сокращений) были реализованы в опубликованной работе К. Широцкого. Вот только проверку актов, приводимых в трудах В. Антоновича по рукописям в Центральном архиве древних актов Университета Св. Владимира К. Широцкий осуществить не смог.

¹⁵⁵ *Редин Е.К.* Каталог выставки XII Археологического съезда в Харькове. Харьков, 1902.

¹⁵⁶ К. Широцкий дополнил раздел о кафелях многочисленными материалами. См.: *Широцкий К.* Очерки по истории ..., с. 397–414.

любезны зайти в магазин музыкальных инструментов Индржишека или в какой-нибудь другой большой музыкальный магазин, имеющий в продаже физ-гармонии, музыкальные шкатулки и т. п. и попросите, чтобы магазин прислал мне прейскурант с ценами. Если такового нет, будьте любезны узнать на какие цены (самые недорогие) есть 1) Физ-гармонии и 2) музыкальные шкатулки. Мы здесь живем крайне одиноко, и я хочу, хотя бы звуками немного скрасить свое существование. Я прошу Вас указать только цены или прислать прейскурант, и уже выпишу письмом я сам, или закажу через комиссионера.

Ума не приложу, почему Павлуцкий¹⁵⁷ может иметь против Вас что-либо. Не найдете ли Вы полезным, чтобы я написал ему, прося его оказать Вам содействие и рекомендовать Вас его вниманию. Я с ним был хорош при встречах и жены наши также. Письмо мое, быть может, и послужит противоядием, если он что либо имеет против Вас.

Мы пока не думаем покидать Козельца. Живем понемногу, при страшной дороговизне. Нашему краю грозит голод, хотя, конечно, здешний голод, при обеспеченности населения овощами, мясом не может быть очень страшным.

Напишите мне также, в каком положении Вы оставили Ник. Петр. в Петрограде¹⁵⁸. Что-то он долго не отвечал на мое письмо. Напомните нам о Петрограде.

¹⁵⁷ Павлуцкий, Григорий Григорьевич (12.10.1861–15.03.1924) – искусствовед, историк искусства. Выпускник историко-филологического факультета Университета Св. Владимира, ученик историка-классика Ю. Кулаковского. Доктор истории искусств (1897), приват-доцент (с 1888), экстраординарный (1897) и ординарный (1906) профессор кафедры истории искусств Университета Св. Владимира и Киевского института народного образования (с 1920). Был председателем секции истории искусств Украинского научного общества в Киеве (с 1907 г.), член Софийской комиссии Всеукраинской Академии наук (1921), один из организаторов Украинской Академии искусств (1917). В 1918 г. был начальником отдела пластических искусств Главного управления по делам искусства и национальной культуры Министерства народного образования правительства гетмана Павла Скоропадского, принимал участие в работе комиссии по возвращению культурных ценностей Украины из российских собраний (составлял списки, выдвинул концепцию передачи не только украинских памятников, но и части общеимперского достояния в равных долях, включая “шапку Мономаха”, все памятники Северного Причерноморья и Крыма). Последовательно отстаивал национальный характер и особенности украинского искусства. Самые известные труды: Деревянное и каменное церковное зодчество Украины (К., 1912); Історія українського орнаменту (К., 1927). См.: *Сторчай О.* Викладацька та мистецька діяльність Г. Павлуцького // Сторчай О. Мистецька освіта в Київському університеті (1834–1924 рр.). К., 2009, с. 174–192, 315–335.

¹⁵⁸ Сычѳв, Николай Петрович (27.04.1883–16.07.1964) – историк искусства, художник, реставратор. Выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского

Возможно, что я здесь заведу телефон, тогда нам можно будет иной раз разговаривать лично. О Киеве мы также мало имеем сведений. Напишите что-нибудь о киевских делах. Впрочем, если Вы очень заняты, то не беспокойтесь и не тратьте времени.

Жена и я шлем Вам наш искренний привет.

Будьте здоровы. Ваш Д. Айналов.

Моя книжка пока еще только боевой, сокращенный клич¹⁵⁹. Работать же будете Вы и Ваши товарищи.

НХМУ ДАФ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2, л. 1–2об., автограф.

университета (1910), магистр истории искусств (1914). Член Общества художников (1921). Профессор Ленинградского государственного университета и Академии художеств, директор (1922–1926) Русского музея, автор художественной реставрации памятников старины во Владимире: реставрировал Успенский собор и фрески Андрея Рублева. См.: *Кызласова И.Л.* Николай Петрович Сычев (1883–1964). М., 2006, 328 с.

¹⁵⁹ По-видимому, речь идет о книге Д.В. Айналова “Византийская живопись XIV столетия” (Пгр., 1917, 174 с.).